

У К Р А И Н С К Й
НАРОДНЫЯ ПЕСНИ,

ИЗДАНИЯ

Михаиломъ Максимовичемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія Думы.

КНИГА II. Песни Козацкія бытovыя.

КНИГА III. Песни Козацкія бытovыя.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографии.

1834.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда пози-
ють испинную цену народности; начинаетъ уже
сбываться желаніе — да создается Ноаіз испин-
но Русской! Лучшіе наши поэты уже не въ основу
и образецъ своихъ извореній поспѣшаютъ произ-
веденія иноязычными; но только средствомъ къ
полнѣйшему развитію самобытной Ноаіз, которо-
рая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглу-
шаема пересадками иностранными и только из-
редка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслу-
живають памятники, въ коихъ вполнѣ выража-
лась бы народность: эпо супъ пѣсни, гдѣ звучитъ
душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ опи-
сьчивается фантазія народная.“

Эими словами начинается мое Предисловіе
къ Сборнику Малороссийскихъ пѣсней, изданию
моему въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только
150 пѣсень; но я имѣлъ удовольствіе видѣть пол-
ный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе
иѣкопорыхъ шамъ высказанныхъ мыслей и замѣ-
чаний моихъ о языке и пѣсняхъ Малороссийскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое
Собрание: и оно шенерь проспираетъ уже до
25 тысячъ пѣсень и опрысковъ, и со временемъ
безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо эпо-
предѣль непостижимый. Настоящимъ богатѣ-
ствомъ мое Собрание обязано участію въ прудѣ
моемъ Князя И. П. Цертелева — первого издания-

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ пѣснью, чтобы по запечатаніи представлена была въ Царскур-
гий Комитетъ при академіи, Москва. Марта 23го дня 1834
года.

Ординарный Профессоръ, Испекторъ, Коллежский
Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

(Цѣна 5 руб.)

IV

ля Украинскихъ Думъ, *И. В. Гоголя* — нового меморика Малороссіи и автора Бечеровъ на хуторѣ близь Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шнигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и иныхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кроме того я приобрѣлъ извѣстное Собрание народныхъ пѣсень покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При знакомствѣ множествѣ пѣсень, находящихся иногда у меня въ спискахъ и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ замѣненія, какія происходили съ ними часію описанія долговременнаго и исправильнаго шынья онъихъ, часію и отъ изобрѣпанельносніи самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такими образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправлѣнѣи видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Частъ моего новаго Собрания, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть, самую занимательную; ибо въ ней помѣщены Думы Украинскихъ бандуриншвъ и пѣсни собственно-Козацкія, выражаютющія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общеспіенному, Историческому быту, и очужденіи отъ быта семинарскаго, домовиннаго; первыя изъ нихъ и называю бытевыми, вторыя бытосвятыми.

Это надгробные памятники и замѣстѣ живые свидѣтели отжившой старины. Другіе народы въ память важныхъ произшествій своихъ, чеканяли медали, по которымъ Исторія часію разгады-

V

ваетъ минувшее; события Козацкой жизни описывались въ авонкіяхъ сні, и потому они должны соединить самую фѣрную и вразумительную действительность для нового бытописателя Малороссіи.

Во IIй части будуть помѣщены *пѣсни женскія* — одноголоски души спрастной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, иѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка развлекающей счастьемъ. Сюда же оппонирую и ильински, где Козакъ является подъ господствомъ женского чувства, въ быту домашнемъ.

Въ IIIй части собраны *пѣсни гулляція*, въ коихъ господствующъ болѣе прихопливое и замѣйливое расположение души, разгуль, карриканура и т. п.

Въ IVй части помѣщаются все обрядные *пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общеспіеннымъ занятіямъ домовинной жизни, и отличающіяся отъ другихъ болѣею придуманностью, то восходящую до символической воспроизведеніи, то облекающую въ прелестъ идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно шолько приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ эпохи гармоническій міръ живой Поззіи народа. Благоуханные альтиносыкіе цѣлыя ея проростаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетающихся между собою.

Сколько могъ ишнеръ, я дѣлалъ пояснительный замѣчанія къ Думамъ и пѣснямъ; къ ильинскимъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ спа-

VI

виль ударение и ко многимъ изъ нихъ прибавлять объясненіе ихъ: впрочемъ общій Словарь и Грамматика Малороссійскаго языка будуть изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сбѣму Собранию (*). Я хотѣлъ было въ сей части изложити подробнѣи own мысли о характерѣ, складѣ пѣсень, о языке и правописаніи онаго; но долженъ омѣложити это впередъ, поспѣша перенесеніемъ моимъ въ Киевъ, гдѣ мои занятія будуть посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ болѣшимъ успѣхомъ.

Чувствую живо красоту нашихъ народныхъ пѣсень и ихъ важность въ настоящее время народности, находи, что ни у кого не была такъ богато развита Поззія народнаго, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраниемъ сколько можно полнѣи совершеніе открыть богатства Поззіи Украинской, прошу всѣхъ

(*) Начатки Малороссійскаго Словаря (сравнительного съ другими Славянскими языками) находятся въ посѣмъ Сборникахъ, 1827. Краткая Грамматика Малороссійскаго языка участь издана Г. Наговскимъ 1818. Въ 3 № Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено обѣ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами Лесницкими и Лозинскими, 1833. — Въ Лембергѣ издано Бацѣвичомъ Сборникъ Галицкихъ пѣсень, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получила еще: большая часть Галицкихъ пѣсень не только сходны съ пѣснями Украинскими, но идентичны даже однѣ и тѣже — въ сѣдѣніе однороденія, сказанныго на стр. 68.

(**) П. В. Кирловский собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсень и спѣховъ болѣе 1500. Ему обязанъ и многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

VII

Малороссіанъ принять участіе въ етомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ списки Украинскихъ пѣсень въ шохъ самомъ видѣ, какъ онѣ идутся въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ, лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ, а кто можетъ, то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвицы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, чѣмъ умѣютъ вполнѣ пропеть. всякая пѣсня, какого бы ни была содержанія, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обращать на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсей, поэтическія не менѣе словъ ихъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсень, (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепіано А. А. Алѣбьевымъ, уже вышла изъ свѣта.

M. M.

Москва, 21 Мар.

(*) Въ подтверждение сказаннаго мною прежде о пѣхоторыхъ черкесахъ Кавказскихъ, встрѣчавшихся въ Українѣ, китайцы замѣчу:

1) чи то пѣсни Бессидики (№ 8) имѣютъ упомянутое сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) имѣть имѣніемъ пѣсни Актона колу *асде*, существующіе у Нагайскихъ Татаровъ, которые подъ него плащутъ или лучше сказать поклоняются на одинъ жестъ, сдѣлившиесь въ дальнюю деревню.

ЗАМЪЧЛІЯ О ПРАВОПИСАННІ И СЛОВОПРОІЗНОШЕННІ (*).

І). Въ Українскомъ языке любимый гласный звукъ есть І, имеющій два видоизмененія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языке, на пр. въ словахъ: *мои*, *ливи*; 2) *мягкое*, болѣе горизонтное, склоняющееся къ звуку Э. (Твердаго Великорусского ІІ въ Українскомъ языке совсѣмъ нѣть.)

Буква И послѣ гласныхъ и буква Ъ всегда произносится *остро*. Такимъ же образомъ часно произносится и прочія гласные буквы, и въ шахматъ случаѣ и, удерживая ихъ, опредѣляю особыемъ значкомъ (*шахматъ ^*) — а, е, ю, і, ѿ, ў.

(*) Употребляемое здесь правописание Малороссийское предложено мною въ 1827 году. Я старался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласивъ съ произношеніемъ, измѣнявшимъ по разнымъ мѣстамъ наречіемъ. Въ основаніе этого правописанія, по мнѣнію уваженніемъ принятъ: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссияне читаютъ сообразно своему выговору природному; 2) употребительнейший способъ писанія въ Малороссии. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе казалось слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними оправдѣлся согласно въ этомъ, и думаю, что для домашнаго обихода проще Слобожанскій способъ писанія, то

IX

Въ осінніхъ случаяхъ буквы ІІ, І, И (не означенныя *шахматъ*) произносятся какъ *мягкое* І.

Примѣры: мы ходили бішми шляхами; якій ты милай: въ этихъ словахъ вездѣ одно *мягкое* І. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходили бішми шляхамы.) — Мой конь не съѣхъ съ края дороги межъ каменьями; ихъ конь дороги; девка пойдетъ за-мужъ, слезами обливавшаяся; у сына синій носъ. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мій кінь нісъ видѣсь краю дороги міжъ каминьками; ихъ девка пойдетъ за-мужъ, слезами обливасѧца; у сына синій носъ.)

кошорому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, спарапотелъ писать, следуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ъ (вопреки всегдашнему употребленію онай Малороссіянами) для изображенія остраго И употребляютъ только И, І, а для мягкаго — ІІ; пишутъ гнущца, обливавецца и т. д. Такимъ же образомъ и по Руски для многихъ гораздо легче писать *макако*, *ка-жетца*, *майо*, *солятова* — но это не есть *правописаніе*, и въ Грамматикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надоѣло сказать и то, что правописаніе есть шахматъ предметъ, по которому не бываетъ полнаго соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литераторахъ, и *мѣжъ* отынки онаго больше или менѣе сославаются особенности писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссийскомъ. Однако жъ, если надоѣло уже выводить что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличал старинныя письмена и множеству

X

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро*; послѣ согласныхъ выговаривается *твёрдо*; и тогда только выговариваются какъ *ио*, когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гараникъ, гай, гострий; въ немногихъ словахъ, кажется только многостранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такихъ случаяхъ можно писать КГ, либо оставить особый значокъ, по примеру Сравнительного Словаря.

спасовъ ибо сель, получившъ опь разныхъ лицъ (большею частию не забывшихъ объ искусенной и какой-либо определенной методѣ писания), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употреблению, ближе всѣхъ правописанію Г. Комилревскаго, въ которомъ и буква Ъ удержана, и буква Ы употреблена вполнѣ въ тѣхъ только случаяхъ, где оно спаслось по правописанію Библейскому. Посему я и пришель это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) оправдку пѣркомъ буквъ й, і, въ тѣхъ случаяхъ, где они выговариваются *остро*; б) введение коренныхъ гласныхъ—буквъ ё, ё, ю, ю, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ *остро* е. Славите имъ свою букву И, отбросьте насторокъ — и правописаніе мое будесть правописаніе Г. Комилревскаго. О всемъ этомъ подробно изложено будеть въ Грамматикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что сказано уже въ прежнемъ Сборщикѣ.

XI

IV) Буква В не выговаривается какъ ф; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (устъ, устъ; взялъ, узялъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсъ, у лѣсъ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (уже, вже; у ёго, въ ёго; умираю, умираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимъ букво О): вѣнъ, вонѣ, вонѣ, вѣнса, вѣнца, въ вѣчѣ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣнилъ букву Л: ловный пойкъ, вовкъ, жовкий. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто лѣ, всегда имѣетъ вѣ (ходиѣ, гулляѣ).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н поинородятся, напримѣръ: зѣлья, зѣлья; коханья, коханья; въ слогъ МЯ слышно послѣ М не только Ь, но часто Н; напримѣръ: имъя, время, память. Глагольное окончаніе тся или ться, выговаривающееся ця или цься; да и вообще тс выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи овани, въ словахъ: шабуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять ё, чѣмъ и будеть ё, прежде употреблявшейся въ срединѣ словъ (вѣлкъ).

VII) Частница да выговаривается та.

ПОПРАВКИ.

Въ сюю часть вкрадось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почишаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія:

Вѣ книгѣ первой.

- Спр. 21 стихъ 1. Українъ — тѣмъ. Українѣтъ.
— 33 Сазме ормы — тѣмъ. быстрые ормы.
— — ешеною розлеглась —, тѣмъ, спасеною раз-
леглась.
— 56 внизу, Вместо: Надѣлокъ — заспунъ? кажешся
должно поставить: надѣлокъ — ножны?
— 57 стихъ 5. пинпала — тѣмъ. пытала.

Вѣ книгѣ второй.

- 67 — 1340 г. два раза ошибкою поставленъ въместо
1320.
— 68 — Дума X — тѣмъ. Дума IX.
— 74 — Пѣсни о Морозенкѣ должны перенесены въ
третій опѣданъ; ибо онъ былъ современникъ
Дорошенка (по замѣчанію Г. Евцкаго,
полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
— 111 спр. 10. За пѣсни относятся къ 1731 (1761
явная опечатка).
— 115 Внизу опечатка: рапоръ тѣмъ. Прѣпоръ.
— 126 Землю Донскою тѣмъ. Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, браніе, не деснишь соколовъ на спадо лебедей пущаше,
Нѣ сволѣ вѣщія пѣстри на живая спруны тѣскладаше —
Они же сами Князь славу рокотаху!

Пѣснь Игорю.

А.—*Думы* суть пѣсни исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Опѣль пѣсень отличающейся характеромъ болѣе поэтической и лирической и болѣе въ размѣрѣ, состоящими въ неопределенному числѣ тоническихъ стопъ, хотя иногда (по лирическому характеру Украинской Поззіи) они вдаются въ пѣсню: тогда и размѣръ принимаетъ определенный, пѣсенный. Стихи почти всегда римованные. Содержаніе ихъ большою частию историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ къ свѣтлу Думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссийскихъ пѣсень 1819*, коими въ здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали несколько Думъ Гг. Шилгоцкій — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и Срезневскій — въ Запорожской Спарѣнѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовала я Думу 5 и 6 во мноромъ отдельно, а изъ неї чиншевѣ найдуши дѣлъ мно-
бопытныя Думы, принадлежащиа къ первому періоду Козачества: одна *о даражѣ Баторіи и смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Серилги* (И. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандуристовъ есть большая Дума, въ которой воспѣвается *Дашковицъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились Думы и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не ужъ-ли народъ воспѣватель *Конашевита - Сагайдачнаго, Тараса, Павлюка и другихъ?* Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще позабыты нами, и съ смертю спириковъ - Бандуристовъ многіи изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНІЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до съвѣта летить стрѣлы
каленыя, громкошть сабли о шлемы, прещать копія хара-
дужилъ въ полѣ незидаютъ, среди земли Поморецкыи. Чрна
земля подъ коньми костными била постѣни, а кровю поль-
яна — шугою взыдона по Рускѣй земль . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — Сачью называлось укрытие (подобное *острогамъ либо городкамъ*), где находился главный Запорожский штабъ или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Сачи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сачь была на Днѣпровской острѣ Хортицѣ или Хортицѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сачи* также чисто *Засѣки*.

В. — Сачь делилась на частини, называемыя *кургенами*, управляемыя *Куренными Атаманами*. Этот *курген* или *холмъ* состоялъ изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Башорѣ Украина раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *местечкомъ* или *сопеннымъ городомъ*), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кроме такого собирательного значенія, *Куренемъ* въ Украинѣ и на Дону называется и одинокий шалашъ, обыкновенно изъ пропланика (очерѣта), либо офицника крытаго соломой, дѣланый для лѣтнаго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большую частью избы *курныхъ*). *Куренемъ* иногда называется шалашъ или изолика *шорговая*. Въ Игоревой пѣсni упоминается о *курлажъ Тмунаракана* (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *курею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ *местахъ* Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кроме Кошеваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сачи были еще спаршны: *Войсковой Судъ*, *Войсковой Писарь*, *Асакуль*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Соборѣ (мирской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частные Рады (*до Куреня*).

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ФЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Атаманъ, можетъ быть, есть попъ самый Безродный (Фома), котормъ былъ Войсковымъ Писаремъ при отважномъ Геніманѣ Богданѣ (1526).

—

По-жадъ сагою (1) Днѣпровою
Молодый коакъ обѣдъ обѣдае; не думаетъ, не гадаетъ,
Що на єго молодого, щѣ й на чурѣ (2) малого бѣда на-
спигае.

То не вѣрбы луговыи зашумѣли . . .
Якъ беабожны ушкалы (3) налетѣли,
Хвѣдора Безродного, Отамана Курѣнного,
Пострѣали, порубали — тѣльки чуры не пой-
мали.

То малый чурѣ до козака прибувѣа (4),

(1) Сага — заливъ. Болѣньемъ называется собст. лугъ, лугонъже назывался лѣсь, покрывающий низменная местна (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ этого луга называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часто говорится о *шумѣ луга*. Онь порогомъ за Днѣпромъ именъ *великий лугъ*, и у Запорожцевъ (*Лугарей*) была пословица: *Сѣть мати, а великий лугъ батько.* (2) Чурѣ — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы — разбойники. Не суть ли это Русскіе *ушкуйники*, разъѣзжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкулмы*. (4) Прибувши — прибывали приходить. Бѣти — быти.

Раны ёму глыбокіи промынае. То козакъ ёму промовляе (5) :

„Чуро мой, чуро! Вѣрный слуго!

Пойді ты спеною по-надъ Днѣпромъ.

Послухай (6) ты, чуро: чи (7) то гусы кричать,
чи лебеди ячать,
чи ушканы гудуть, чи може (8) козакъ Днѣпромъ
идуть?

Коли гусы кричать, обо лебеди ячать — то
сжечь (9);

Коли ушканы гудуть — мене захорони;

Коли-же козакъ идуть — то объяви,
Нехай вони човни до бѣрега привершатъ,
Мене Хвѣдора Безродного нальщаютъ.” —

То чура малый по бѣрегу пробѣгавъ,
Козаковъ забачавъ (10), шапкою маханъ, словами
промовливъ:

— Панове-молодцы! добрае вы дѣйте (11),
Човни привершайте, до Опамана Куреного поспѣшайте!

То козакъ ще зачували (12),
До бѣрга привершили, Опамана нальщали.

(5) Промовляти — говорить, промолвить. Мовъ — слово. Мова — рѣчь. (6) Слухати — слушать.

(7) Чи — ли, спавителъ въ началѣ слова. (8) Може — можешь бысть; мабуть — видно, знать. (9) Жену, гнаши — гоню, гнашь. (10) Забачати — савидзини; бачу — вижу; бачинсья — кажеся, сдаётся. (11) Дѣйти — здесь знач. поспѣшати; чаще употребл. им. пріобрѣшати; добрае — хорошо. (12) Чути — слышать,

Тогда козакъ чуру выхвале, словами промовле:
„Чуро мой, чуро! вѣрный слуго!

Коли ты будешь вѣрно пробували,
Будешь тебѣ козакъ поважали!”

То ще промовлявъ, опрошенье зо всѣми брахъ,
Милосердому Богу душу отдавъ. —

Тогда козакъ шаблями суходоль (13) копали,
Шашками, приполями (14) нѣресь вынимали,
Хвѣдора Безродного ховали,
Въ семицѣнній пицалѣ гремали,
У сурѣмки (15) жалобно выхвалили:

То ще добрае козацька голова знала,
Що безъ войська козацького не вмیرала!

П Е Р Е В О Д Ъ

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдастъ обѣдъ. Онь не думаситъ, не гадаситъ, чио его молодаго, и его малаго чуру бѣда наспигаєши.

То не вербы лѣсныя зачумѣли... безбожные разбойники наленѣли; Федора Безроднаго Куренаго Апамана поспрѣли, порубили, только не поймали его чуры.

Вольнъ малый чура приходишъ къ козаку, промывавши ему глубокія раны.

Молвить ему козакъ: „Чура мой, чура! вѣрный слуга!
Пойди ты спеною по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходоль — земля сухая. (14) Приполы — корци полъ. (15) Сурмачь и Сурѣмка — труба, Сурмачь — трубачъ. Сурмайши — трубить.

гуси-ль то кричать, ячашь-ли то лебеди, разбойники-ль гулять, или моженъ, козаки Днѣпра идуть? Коли кричать гуси или ячашь (*) лебеди, то стони; коли разбойники гулять, скороми меня; коли жъ козаки идутъ, то скажи, пусь они членоки свои приворачивають къ берегу и паветиши меня козака Федора Безродного.

Вонъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машень панкою, говоринъ словами: Паны - молодцы! сдѣлайше доброе дѣло, приворачивайте членоки, и спѣшайше къ Аланаму Куренному.

Козаки то услышали, къ берегу приплыли, Аланама извѣстили.

Хвалилъ козакъ чуру и говоринъ такія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли ши будешь вѣрно жить, будущъ теби козаки чинить.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣмъ прощался, милосердому Богу отдать душу.

Тогда козаки саблями копали суходоль, выгребали землю щадками и пришолами, хоронили Федора Безродного; гремѣли изъ семипядицыхъ пицалей, и жалобно выхваляли его въ шубы: дѣло козацкое голова знала, что безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Ячашь — говорится про крикъ лебедей, который въ Русскомъ языке кажется, не выражается особымъ словомъ. Кукушка (*зозулка*) — куѣшъ; воронъ — кряченъ, груѣшъ (въ Пис. Игор. *грасти*); кречень — куркуешъ и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которой говорится здесь, идетъ отъ великой стѣн (остр. Хортица на Днѣпѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и сѣмью шляхомъ находятся болыше байраки (ограждены или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть могила (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ письмѣ о *Морозѣнѣ* (ки. II № 6). —

Въ думѣ сей къ списку Ки. Цертелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шигоцкаго (Укр. Альб. 1831).

Изъ города изъ Азова не великіи шумы вспашали,

Три брали роднѣнъкъ зъ пѣжкои не болѣ винѣкали (16).

Два конныхъ; третій пѣшии за ними подбѣгаѣ,
На сырѣ корѣнья, на бѣле камёныя
Ножки свой козацкіи посѣкаѣ, кроѣю слѣды
‘заливаѣ,

До конныхъ брали добѣгаѣ, словами промовлѣ.

(16) Умѣкаши — убѣгашъ, уходишь.

„Стáньте вы, бráщи! кóней попасéтие, менé по-
дождéтие,
Зъ собóю вбáмьтие, до городóвъ хрестíанскихъ
пóднеаéтие.“
То середúльшíй (17) тóе зачувáвъ, стáршого пý-
тáнъ;

То стáрший ёмú словáми промовлáвъ :
— Чи щé-жъ тобé не далáся тýжкáя нешbли анати?...
Якъ бúдемъ мы бráща дожидáти,
Бúде настъ погóнъ доганáти, бúде настъ спре-
лани, рубáни,
Абó (18) въ тýжкóй робóтѣ бúдемъ пронадáти.—
„Колí-жъ менé, бráщи, не хóчение ждáти —
Спáвъ мénьшíй промовлáти —
То прошú васъ, бráщи ; на прáву спóрону звер-
тáнне,
Щáблí изъ пóхвъ (19) винíмáтие, пéло мóс
порубáтие ,
Въ чýспóхъ спéну похováтие (20),
Звéрто да итицъ на постáлу (21) не дáтие!“ —
То середúльшíй тóе зачувáвъ ,
Словáми промовлáвъ :
— Сéго , бráще , мáз-рóду нáгдé не чuváли ,
Щóбъ рóдною кróвью шáблí обмыváли ,
Абó гóспирымъ спíсомъ (22) опрошéниe бráли . —

(17) Середúльшíй или середúщíй — середний. (18) Абó — либо. (19) Пóхва — ножны. (20) Ховáти — хоронить, приставка. (21) Постáла — покорнка. (22) Спíсъ — копie, пика. Гóстрый — острый.

„Колí-жъ не хóчете , бráщи , менé рубáти ,
То прошú васъ , бráщи , якъ бúдете до байра-
кóвъ прибуváти ,
Тернóвый вéшки въ запóлье (23) рубáтие ,
Менé признáку покидáти!“ —
То иже два казакí въ байракí въезжáе ;
Середúльшíй бráти милосéрдíе мае :
Верховéтия у тернóвъ атинае (23'),
Мéньшому бráти примéтиу покидáти .
А якъ спáли на Мурáвськíй шляхъ выезжáти ,
Нéчкéть ёмú признáкóвъ покидáти ;
Вóнъ червóну (24) китáйку въ-подъ жупáна (25)
выдирáе ,
По шляху розкидае , мénьшому бráти примéтиу
воспáвле .
То якъ спáвъ пýшехóдецъ азъ тернóвъ выходíти ,
Спáвъ червóну китáйку находíти :
У рóки хватáе , дробными слёzáми обливáе .
„Не-дáурно (26) , промовлáе , червóна китáйка по шля-
ху залáе ,
Мáбуть (27) мойхъ братóвъ на сéбіть немáе ! ...
Мáбуть за нýки азъ города Азóва погóнja вспáвала ,
Менé въ тернáхъ на спочívъ (28) минáла ,
Братóвъ мойхъ доганáла , стрелáла , рубáла !

(23) Запóлье — завороты поля. (23') — създать. (24) Чер-
вóный — красный (червий). Червонная китайка весьма часто
упоминается. (25) Жупáнъ — кафтанъ. (26) Недáурно, не-
дáрма — не даромъ. (27) Мáбуть — может быть,
видно. (28) Спochívъ, спochívka, — олдыхъ, сонъ.

Колібъ менѣ Бѣгъ
Милосѣрдый помохъ.
Тѣло козацькое находити,
Въ чистѣтъ сиену хоронїти! —
Що однѣ безвѣдье, другое безхлѣбье,
Трѣтье буйный вѣтеръ въ поль повѣшае,
Бѣдного козака въ ногъ валие . . .
— „Ой гдѣ-же менѣ за конными братами уганили,
Часъ менѣ козацкимъ ногамъ польгу (29) дали!“
То тѣе промовліе, до Саворъ-могилы прибывае,
Подъ Саворъ-могилою спочинавъ.
Въ той часъ сизы орлы налѣтали,
Пілько (30) въ очи козаковъ заглядали.
Козакъ ше забачае,
Словами промовля:
„Орлы сизо-пѣры,
Гостій мой мілы!
Прошу я вать тогда налѣтали,
Зъ лобу очи менѣ выемыкали (31),
Якъ не буду я свѣта Божкого видѣти . . .“
То тѣе промовліе,
За часъ, затодіу милосѣрдому Богу душу oddаевъ.
Тогда орлы налѣтали, зъ лобу очи выемыкали,
Тогда ще и дробна птица налѣтала,
Коло жѣтвою костю оббирала.
Вовкъ-сѣроманыці (31') набѣгали, шѣло козацькое
рвали,

(29) Польга — лягушка (полза! такъ имъ называютъ, говорить въ некоторыхъ мѣстахъ называютъ). (30) Пілько, сизильнѣ — приспѣвально; пильновати — прятжать. (31) Смыкати — дергать. (31') Вовкъ сѣроманыцъ — волкъ-сѣрикъ.

По тѣрнахъ, по балкахъ жѣтву кость жваковали (32),
Жалобнѣнко квилли, проквилли (33):
То же вони козацкимъ похороны одправили!
Дѣ-ся валиась сиза зозуленъка,
Въ головкахъ сѣдала, жалобно кувала;
Якъ сестра брана, або мати сына оплакала.
Спали конны браты до городовъ хрестянскихъ дохоманы,
Спала къ ихъ сердцамъ велика туга налагали.
То середульшій братъ до старшаго брата словами промовляє:
„Не-дурно къ нашимъ сердцамъ велика туга налагаетъ:
Мабуть нашаго брата живаго на свѣтѣ немае!
„Якъ будемо, брате, до отця и матері прибували?
„Якъ будущъ вони насть пытати, шо що спанимо казати?
То старшій братъ ше зачувае,
До середульшаго словами промовляє:
„Скажемъ: не въ одного пана въ неволѣ будали,
Ночной дѣбы (33') аль неволѣ вѣкали,
Его сбнного будали не забудали,
Тамъ ёго въ неволѣ и зостановили!“
То середульшій братъ ше зачувае,

(32) Жваковати — жратъ, жвакать. (33) Квилли, проквилли — валиась, завывать. (33') Ночную пору. Дѣба — пора, времі.

До старшого брата словами промовляєт
 „Якъ не бу́демъ онцо́й мáтерй пра́ды кара́ли,
 То бу́де нась онщёвська й материньска молитва
 кара́ли. —

Тоді старшій брати на полі Самарській вибажають,
 Надъ рíчкою Самарською спочивку собѣ мають,
 Коней попасають.

Въ той часъ безбóжныи бусурманы набыгали —
 И тыхъ двухъ братовъ порубали,
 Тіло козацьке карбовані (34),
 Въ чистомъ полѣ розкидали,
 Головы на шаблі вздымали, довго глумовали!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Цернеленскомъ спискѣ сей Думы назамань Запорожский Грицько названъ Зборовскимъ, а въ спискѣ Г. Шингацкаго Грицькомъ Коломыйченкомъ: кто отъ шакой, нафтию опредѣлить не могу. По назаманю Алексея Поповника козакомъ реестровымъ видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ Тенетресь или Театра недалеко отъ Дніпровскаго лимана, противъ Килибуриской косы.

(34) Карбовані — нарубать, рубиль, — опушда карбованецъ — цѣлковой рубль (съ настичками вокругъ).

На Чёрному морѣ на бѣлому камікѣ
 Ясненъкій соколь жалобно квілить, прохиліе,
 Сміулно себѣ мае, на Чорне море спільна погладає.
 Шо на Чёрному морю недобре ся-починає,
 Шо на небѣ усѣ авѣады пошмарило (35),
 Половину місяца въ хмáры (36) вступило.
 А изъ ніазу буйний вітеръ поївше,
 А по Чёрному морю супротивна хвіля (37) вспаває,
 Судна козацькія на тири часий разбиває.
 Одну часть взяло — въ землю Агáрську занесло,
 Другу часть гроло (38) Дунайське пожéрло (39),
 А прéдня — где ся-маe? — въ Чёрному морю потоняє.
 При той часий бути Грицько Зборовський
 Отаманъ козацькій Запорожський,
 Той по судну похожае, словами промовляє:
 „Хто-сь межъ нами, панове, великий грехъ на
 собѣ маe!

Шо-сь дуже злáя хуртовйна (40) на насъ налягає,
 Сповѣдайтесь, панове, милосердому Бóгу,
 Чорному морю, и менъ Опаману Кошовому;
 Въ Чорнє море впадите,
 Войска козацького не губите!“
 То козаки тёе зачували, усѣ замочали,
 Бо въ грехахъ себѣ не знавали.
 Тольки обозвався Писарь Войськовий, козакъ
 леснірівый,

(35) Пошмарити — помрачить. (36) Хмáра — туча.
 (37) Хвіля — волна. (38) Гроло, — устие. (39) Пожéрло — пожрало. (40) Хуртовйна — напаснь, буря.

Пирятинський, попович Олексій:

„Добре ви, браця, вчиніше (41), мене самого, вдаєміше,

„Мені чорною китайкою очі завижіше,

„До ції білого каменя причепіше (42),

„Да я у Чорнє море збухніше!

„Нехай буду одінати погибали,

„Козацького війська не збавляти!“

То козакі ше затували, до Олексія Поповича промовили:

„Ты-жъ святое письмо въ руки берешъ, чи-
таешъ,

„Насъ простихъ людій на все добрѣ насташ-
ленгъ,

„Якъ-же найбільше одь насъ на собѣ гріхомъ
маєшъ?

— Хоча святое письмо я читаю,
Васъ простихъ людій на все добрѣ насташлю,
А я все самъ недобрѣ починяю.

Якъ я изъ города зъ Пирятини, панове, виїзжайши,
Опрощенья зъ пан-опцемъ и зъ пані-маткою не
брать,

И на свого старшого брата великий гнѣвъ по-
кладаю,

И близькихъ сусідовъ хліба-ї-соли безкійно
збавляю (43'),

Діни малі, вдови спарти стримляю въ труди-
тковакъ,

(41) Чиню, чиніти — діламо. (42) Причепіти —
приціплюти; чепъ, ланцюгъ — цінь. (43') Збав-
ляти — лишати, убадяти.

Безпечне по єдицімъ конемъ гулявъ,

Прощавъ церкви, дому Божого проїздань,

Шапки зъ себѣ не знямавъ, хреста на себѣ не клавъ.

За пе я, панове, великий гріхъ маю, теперъ по-
тибаю!

Не єсть се, панове, по Чорному морю хвилья встаює,
А єсть се — мене опцієвська й матерійська молін-
ва карає!

Колибъ мене ся хуртовина злая въ морѣ не зпоняла,
Одь смртій молініва боронила:

То знаєшъ я опцій матеръ шанованіи, поважаніи,
То знаєшъ я спіаршого брата за рдного опція

починаніи,
И сестру рдненоїку за неніку (44) у себѣ маєши! —

То якъ спасть поповичъ Олексій гріхъ свой
сповідали,

То спала злая хуртовина по Чорному морю спи-
хани,

Судна козацький до-гори (44') якъ руками подйомала,
До Теніпresa бстррова прибивала.

То всѣ тогда козакі дівомъ дивовали,
Що по якому Чорному морю, по бістрої хвильї

подйомали,
А якъ одното козака зъ-межъ війська не втерли! —

Опть-жетої Олексій Поповичъ изъ судна вихожає,
Берє святое письмо въ руки, чипле,

Усіхъ простихъ людій на все добрѣ научає, до
козаківъ промовляє:

(44) Неня, неніка — родима, запушка. (44') До-
гори — вверхъ.

„Оп-тыймъ-бы то, панове, трѣба людѣй понажѣти,
 „Пан-опцій й паній-мѣтку добрѣ шановати;
 „Бо копіорѣй чоловѣкъ твѣе уроблѣ (45),
 „Повѣкъ твой счастіе собѣ маѣ,
 „Смершѣльный мечъ ишо го минѣ:
 „Онищѣва й мальчина молитва зѣ дна моря выймаѣ,
 „Одъ грыхонъ ємершѣльныхъ душу одкуплае,
 „На польѣ на морѣ на помочь помагае!

КНИГА ПЕРВАЯ.

О Т ДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОССТАНИЯ ПРОТИВЪ УНИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Уже бо, брашie, не веселая година вспала: весела обида въ силахъ Дажь-божа внука ... Всю храбрая сердца жестоють харалузѣ скованы, а въ бусени закалены ... Мужанимыся сами! предкою славу сами похивимъ, а задкою ся сами подѣлимъ ... А чи диво ся, брашie, спаrу по-молодыни? Коли соколь въ мышехъ бываешьъ, высоко пиши вѣзвишаешьъ, не даспъ гнѣза своего въ обиду!

... Лутре-жъбы понишу быши, неже пологену быши!

Песнь Игорю.

---

(45) Роблю, робити — дѣлаю, дѣлать.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНИЕ НАЛИВАЙКА.

Д. — гетьманциою называлась Украина отъ своихъ вождей, кои именовались гетьманами, по пристру вождей Литовскихъ, называвшихся Гетманами, Гедманами или Гедиманами, вѣроятно по имени славнаго Гедимины. Можеть быть, названіе Король произошло отъ Карла, *Carolus*; Цесарь отъ великаго Цезаря; Султанъ отъ имени Салтана. На время оплучки Гетьмана изъ Резиденціи пострадалася въ Украинѣ иаказный гетьманъ; а въ отсутствіе съ поля битвы, властъ его принималъ гетьманъ напольный.

Е. — московиціою называлась Великая Россія, Московія; шведчиою Швеція; полоцкіою Валахія и Молдавія; такими же образомъ туретчина, татарчина; волгогородциою называлась Талиарская спорона между Днѣпромъ и Днѣстровъмъ; польськемъ — Бѣлостокскія области; подольемъ — Подолія; покутъемъ — Буковина.

Дума сія относится къ 1596 году, когда Гетьманъ Навель Наливайко разбилъ Жолкевскаго при Чигрии. По Лытоисль, на трехъ крестахъ погибли были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневомъ козацкіе старшины: Богуна, Сутить (или Сутига, а въ думѣ Сомирно), и Войновичъ; а Наливайко имелъ такую надпись: *Миръ Христіянству, а на зятинника Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашой у славной Украинѣ
Бували коли-сь (46) престрѣшними злѣтодій, без-
дольній годіни;
Бували й моры й войсковій чвáры; (47)
Ніхто Вкраїнцевъ не ряшовáвъ; (48)
Ніхто за їхъ Бóговій молитви не посылаў;
Тольки Святый Бóгъ нашихъ не забувáвъ,
На великий зусилья, на відповéдь держаў.
Тольки Бóгъ святий знаѣть, що вбить, думавъ,
гадаў, замышлявъ,
Якъ незгодини на Українську землю посылаў.
Опѣ-же й пройшли, избішли злій незгодини:
Немає никоого, що бъ нась подола!
Тольки Бóгъ Святый знаѣть
Що вбить думавъ, гадаў, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвáра — гроза. (48) Ряшовáти, раз-
ловáти — избавлять, спасать.

Не дénъ и не двá Лихí Україну пілайдровáли,
Ни на часиночку одпочинъ не мали,
Коней на -взáводахъ день и ночь держали,
До Гéпъмана Наливáйка дорóгу веpспáли.
А Гéпъманъ хорóбryй Наливáйко — щó збить дúмаe
гáдáе?
Щó вбíть за дóлю шонáришбóль свойхъ замышляе?
Тóльки Богъ Святый знае, щó ёму на помóчье
помагáе!...
Изъ-а горы хмáра висступáе — висступáе, выхожáе,
До Чигринá грóмомъ вигрémляе,
На Українську зéмлю блискавкою блискáе.
То Полякъ черезъ три рýкъ при перехóды мáли,
Да й бýлá трéтjего перехóду спáномъ спáли;
Пусnили коней на попасáнье,
Самí себé далí на пíри годíны однотиmáньe. —
А щó Гéпъманъ Наливáйко дúмаe, гáдáе?
Щó вбíть на неzгоду Лихбóль замышляе?
Тóльки Богъ шéе знае, щó ёму на помóчье помагáе! —
То не хмáры по небу грóмомъ сянíмъ выгрém-
ляють,
То не святыхъ вонí до Бóга проважáють:
То Лихí у бýбны вдарíшоить,
У свистéли да у шrубы выгравáють,
Усé вóйсько своé до-кулы у грómáду скликáють,
Щó-бъ ишилý усé до грómády на послухáньe,
Слухали Гéпъмана Жовковського одновéдáньe.
Онь-то й прíшли усé, рádomъ спáли,
Усé рádomъ спáли, да й азмоvчáли,
Гéпъманське опишовéданье слухáни зачáли;
А послóхавши, коней сýдáли,

Черéзъ Бéлу-рéчку перехóдъ велиkíй мáли:
Мосны мостnили, грéблí гатnили, кóлья заби-
вали,
Горáйну да држáро кáли,
Черезъ Бéлу-рéчку перехóдъ велиkíй мáли;
А, перейшбши, огорóды да шанцí робили,
У-въ окрýз гармáны (50) снановáли,
А по-перéдъ гармáнами пíри хресны вколовáли.
А щó пérвый хреснь, то Сóмино висíть —
Сóмино висíть, бáрзо голосíть;
А щó другíй хреснь, Богúнь висíть —
Богúнь висíть, шабльюкою лопотíть;
А щó трéтий хреснь, то порóжníй спойнь,
Усéхъ инишихъ козакóвъ до сéбе поджидаe, —
Козакóвъ поджидаe, козакóвъ оглядáe:
Хто пérвый подойде, тогó гармáна убýe;
Хто друgíй добъжáинъ, тогó самопáль (51) цаниé;
Хто трéтий подленишáинъ, той хреснáинъ будé, —
Хрестíшáинъ будé, і молýшáинъ спáне;
Щó хреснь эъ осокý — то ёго надбáне! . . .
А козакý глядáли, у зóчí вбачáли,
Прóмежъ сéбе бурковáли, раховáли,
Три корогвá на забачéньe Лихáмъ снановáли,
На корогвáхъ уговóрь - рáдnu писáли:
«Вéрному правослáвному Христíйnsкому мýромъ
мýръ;
А Лихáмъ-ворогáмъ пекéльный пíръ.
Въ кóго хреснь — на щóго й Хреснь!» —
Онь-сé-жъ и пойшли нáни на чопýрй побя
Щó на чопýри цóла, а на пáтнее на Подолье;
(50) Гармáн — пушка. (51) Самопáль — ружье.

Лахъе на вѣсъ спѣроны, по вѣмъ хрестамъ ко-
лопіли;
Лахъ опрошенья просіли, да не допросіились:
Не шаковськи козаки, що-бъ опрошенье дали,
Не шаковськи й Лахъ, що-бъ напасть забули!

Буде й нашитъ лихо, якъ зовуля кувала.
Що вона кувала, про-межъ святыхъ чуваля;
Що вона кувала, тому й бунни-спални,—
Якъ спануши бѣсъ праївыхъ й непраївыхъ єднани,
Души забирани, у пѣво до-купы складани.
Вѣдь тѣго й сїго, одъ іногого чо-ко Боже намъ поможе.
Про тѣ вонъ и знає, що вонъ думає, гадає,
Що Павловій Наливайкові да на помочь помогає.
Не намъ про тїе, за тїе рахованіи:
Наше дѣло Боговій молитися,
Спасищю хрестинися!

ПЕРЕВОДЪ

Какъ въ нашей славной Украинѣ бывали когда-то страшные времена, бездольные времена; бывали и моры и войсковые ссоры; никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитися не возымалъ; а только Свѧтый Богъ нашихъ не забывалъ, для великихъ усилий, для отвѣтина (врагамъ) сохранилъ; только Богъ Свѧтый зналъ, что Онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда некогда на Украинскую землю носыпалъ!

Вонъ и прошло, разошло злое безвременное; — ить докого любъ одолѣть настъ! только Богъ Свѧтый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Недень и не два Лахи грабили Україну, ни на часъ не имѣли отпѣха, день и ночь коней во вѣсъ повода гнали, къ Геппману Наливайку дорогу держали.

А Геппманъ храбрый Наливайко — что онъ думаетъ, гадаетъ? что онъ на долю товарищѣвъ замышляетъ? Только Богъ Свѧтый знаетъ, что ему Онъ помогастъ.

Изъ за горы туча выспунается, — выспунается, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю моліей блещеть. То Події, черезъ пригрѣхъ иши три перехода; а вонъ иретыльго перехода спали спасиомъ, пустили коней на пасиву, а себѣ дали отпѣха на три часа.

А что Геппманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? — что онъ на невзгоды Лаховъ замышляетъ? — Только Богъ Свѧтый то знаетъ, что ему Онъ помогастъ.

То не тучи по небу святыми громомъ гремятъ, то не Святыми къ Богу онъ провожаютъ: то Лахи боялись въ бубни, играли на свистунахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликали, чтобы всешли въ громаду на послушанье, слушать отпойдь Геппмана Жолкевскаго. — Вонъ и пришли; все рядомъ стали, — рядомъ спали и замолчали. Геппманскую отпойдь начали слушать; а выслушать, коней сѣдлали, черезъ Бѣлу-рѣчку болезній переходъ держали: мости мостили, гани ганили, вбивали колы, клали хворости и дрань, — черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великий держали. А перейдя, сѣдлами огорожу и шанцы, спалили пушки въ окрѣпъ, а передъ пушками три креста вхолопили. А что первой кресть — то Соминю виситъ, — Соминю виситъ, громко голоситъ. А что другой кресть, то Богу виситъ — Богу виситъ, саблею спущены.

А чио третій крестъ; то порожній стоянть; — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаєнъ, козаковъ поджидаєнъ, козаковъ оглаждаєнъ. Кто первый подойдетъ, иного пушки убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самонадѣ хватитъ; а кинотарій подаетъ, то пъ креститъ будесть, креститъ ся будесть молниесъ спасенъ: крестъ изъ осоки — это участъ!. А козаки глядѣли, своими очами видѣли, про-межу себя переговаривались, судили; — трихоруги на видъ Лахамъ спасенъили, на хоругвихъ уголовъ-радиго писали: *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ, а Лахамъ-врагамъ власкій пиръ. У кого крестъ — на того и Крестъ!*

Вонъ и пошли наши на четыре поля, чио на четыре поля, а на панос на Подолье; — Лихъ на вѣс спорона окрестъ себя колотили. Лахи прощенья просили, да не дошросицъ не таковскіе козаки, чиобъ прощенье дали! не таковскіе и Лахи, чиобъ напасть забыли.

Будесть и нашимъ бѣда, какъ кукушка куковала. Чио она куковала, то она промежъ Словыхъ слыхала! чио она куковала, тому и бынь-спаси: какъ спасти бѣзы проказъ и не-правыхъ единицъ, сбираю души и въ адъ въ кучу валени. Онь иного и сего, и другаго чего — да спаси насъ Богъ! Про то Онь и знаетъ, чио Онь думаетъ, гадаетъ, чио Павлу Наливайку Онь помогаетъ! Не намъ о немъ и про то судить. Наше дѣло Богу молниесъ, къ Спасищемо крестились!

Прим. Ильяторыл замѣненія въ сей думѣ стѣновъ по сказкѣ, полученному шкою Е. Срезневскаго.

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павла*. О Хорунжемъ *Самко Мушкемъ*, который предшественникъ идущимъ чрезъ поле битвы, усыпаное трупами, я не знаю по Истории. — Подъ именемъ *Степана Кукурозы* здесь разумѣются, я думаю, *Степанъ Острянца*, который послѣ побѣды своей захваченъ почно въ Каневскомъ монастырѣ и въ Вершать колесованъ. *Карлъ Пѣтрова-Кожухъ*, бывший послѣ Острянцы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульнал голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горѣлочной бочкѣ. Писалъ его и имѣлъ любимиа въ народѣ, который передавалъ се въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пошли козаки на чопырѣ поля,
Що на чопырѣ поля, а на пане на Подолье.
Що однімъ племъ — шо пошовъ Самко Мушкемъ,
А за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не при ишечи,
Усе хоробрый товарищи Запорозцій.
На коникахъ выгравають, шабельками бліскайоуть,
    у бубны здратоуть,
Боговій молитви посылають, хресты покладають.

А Самко Мушкéть — то вонъ на коню да и не
выгравае,
Коня удержуе, до сбѣе притягуе, думае, гадае.
Да що-бы спо чортова лихомъ вбили ту ёго думу,
что гаданье! —
Самко Мушкéть думае, гадае, словами промовайе:
— „А що, якъ наше козачество, мовъ у пеклѣ, Ляхи
спаляти,
Да зъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на
похмѣлья зварить! . . .
А що, якъ наши головы козацки по степу-полю
положить,
Да ще и родного крѣвла вымыться,
Попероскѣлонными шаблами покрѣпиться! . . .
Пропаде, мовъ порошна зъ дула, таи козацкая
слава,
Що по всѣму свѣту дѣбомъ спаля,
Що по всѣму свѣту спѣномъ разлаглѧсь, про-
стиглѧсь,
Да по всѣму свѣту лутовимъ гомономъ роздалась,
Туреччинѣ да Ташарщинѣ добрымъ лихомъ знанїи
далась,
Да и Лахамъ-порогамъ на снѣсъ оддалась! . . .

Закрѣче воронъ спѣномъ лепиши,
Заплѣче зозуля лутомъ скачучи,
Закуркующи кречеты сизы,
Загадающи бриники хижі —
Да все, усе по свойхъ бранахъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ! . . .
Чи то ихъ агѣромъ занесло?
Чи то ихъ у пеклѣ попонуло?

Що невидко чубацкихъ, не то по степахъ, не то
и по лугахъ,
Не то и по Ташарскихъ земляхъ, не то и по
Турецкихъ горахъ,
Не то и по Чорныхъ моряхъ, не то и по Ліцкихъ
полахъ? . . .
Закрѣче воронъ, загруе, зашумуе,
Да и полепити у чужую амлю. . .
Анъ-ба! костки лежати, шаблѣки спорчать;
Костки хрустити, шаблѣки попероскѣлони
брязкать! . . .
А чорна, сива сорока зоскалилась да и басуе!
А що головы козацки — то мовъ Швѣць-Семенъ (52)
шкуру затубиць (53),
А що чубы — мовъ чорнїка джуты поробити: —
У крѣвї усъ, да и позасыхали —
Оти-то и славы набрали! . . .

==

Ой поблї козаки на чопирї шляхї,
Да на чопирї шляхї, а на пїще на Подолье.
Що однімъ польемъ — то пойшовъ Самко Мушкéть,
А другимъ польемъ — Спецько Кукурұза:
Сизою голубкою голову свою буйную до-долу (54)
закинувъ!

(52) Въ Украинѣ былъ какой-то знаменитый *Семенъ Швѣцъ* (саложникъ), вошедший въ поговорку. Говорится, на пр. онъ его смѣялъ, мовъ *Швѣцъ-Семенъ* шакур. (53) — Потерять. (54) *До-долу* — внизъ, на-полъ.

Л за нымъ идуть мало-мало не три тысячи,
Усё хорбрыи шовариши Запорозьці,
На коникахъ выгравають, щабелькають,
    у бубни вдаряють,
Богові молітви посылають, хресты покладають,
До Степанка Кукурозы ось-шакъ (55) промовляють:
— Чи ты живъ, чи здоровъ, пане Степане?
Чи ты вмеръ, що твою головоньку дубомъ до-долу
    пришибло?

Рахованье (56) — не жъ поминанье!
Коли-жъ небудь трéба (57) да по насть поминки
    робити!
Що по насть, Пане, старі баби спануту у поль
    снискини,
А по тебѣ, Пане, молодыи дѣвчата зачи́нути-го-
    лосини!

— Да же все однако,
Що Якимъ, що Якобъ!

Ось, якъ пристанемо до патого яра,
То хочъ и середъ лышечка — зашумить, загудѣ
    не-дай-свѣта - чара!

Буде ѹ нащимъ ліхо, якъ возулі кувала,
Сніпомъ лешічи, лугомъ сначучи.
Що вона кувала, то пра́ву вказала;
Налéїти орлы хілай, спануту жалковати;
А вороны налéїти, да ѹ снінути здобыти жда-
ти ѹ поджидати.

(55) Ось — вось; - сь — частица то. (56) Рахованіи — счіплють, разсуждають. Рахованье — размышленіе. Рахунокъ — расчетъ. (57) Трéба — надо, потребно.

То якъ налéїти опъ-інѣ аозу́лі,
Що насть не забули! . . .
Що жайдь, а що дѣль, а що ѹ Запорозькій козакъ! —

— Ой поймі козакі на чопырій шляхъ,
Що на чопырій шляхъ, а на пане на Подолье.
Що однімъ полемъ, то пойшовъ Самко Мушкентъ;
А другимъ полемъ, то пойшовъ Степанко Кукуроза;
А третімъ полемъ, то пойшовъ Карпо Повшоп-
ра-Кожуха —

На конику выграває, пісню спѣває.
Л за нымъ идуть мало-мало не три тысячи,
Усё хорбрыи шовариши Запорозьці:
На коникахъ выгравають, щабелькають,
    у бубни вдаряють,
Богові молітви посылають, хресты покладають.
А Карпо Пань Генільманъ на конику выграває,
    пісню спѣває;

— „Пресу́чал та журба́,
Менé насушила,
Вона менé молодого
Изъ погъ извалила.

А ѿ той журбѣ
    Да ѿ не поддаюся.
Ой пойду я до шинкарики,
    Горілки напьюся. . .

Ой хто хоче мёду пить —
Ходѣмъ до жидовки!
А въ жидовки чорній бровки,
Высоки подковки...

И юночка рабенъка,
Й сама молоденъка;
Да якай-жъ хороша!,
Якай чепурненъка!

Шинкарочко мой!
Насынь мёду й виня,
Да що-бъ мой головоњка
Веселенъка булá!

— Коли ты жонатый,
То иди до-дому;
А якъ нежонатый,
То ищуй за мною. —

Ой є въ мене й жонка
И дѣточокъ дубе:
Да не пригоршашься,
Серденъко мое!"

И К Р Е В О Д.

Вонъ пошли козаки на четыре поля, — чио на четыре поля, а на пятое на Подолье. Чио однихъ полемъ, пошелъ Самко Мушкетъ; а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три мыслей, все храбрые шеварищи Запорожцы — на коняхъ горячупъ, саблями поблескивающъ, боянть въ бубны, Богу молитвы возсыпающъ, кресты полагающъ.

А Самко Мушкетъ — онъ на конѣ не гарячупъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягивающъ, — думаешь гадаешь... Да чтобы спо черной бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаси гадаешь, говоришь словами:

„А чио какъ наше козачество, слово изъ аду, Ляхи спалиши? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварить? . . .

„А чио какъ наши головы козацкихъ молодецкихъ по степи-полю полягушъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадешъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, чио по всему свету дыбомъ стала, — чио по всему свету степи разлеглась, пропиянулась, — да по всему свету шумомъ лѣсомъ раздалась, — Туреччинъ да Татарщинъ добрыми лихомъ знать далась, — да и Лахамъ-ворогамъ на коне отдалась? . . .

„Закрачетъ воронъ степью ленучи,
Заплаченъ кукушка лѣсомъ скачущи,
Закуркующъ сизые кречеты,
Задумающие сизые орлы —
И все, все по своимъ братицамъ,
По буйныхъ шеварицахъ козакахъ! . . .

„Или же сугробомъ занесло, или въ аду попопило: чио не видно чубашыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляжскимъ полямъ? . . .

Закричать воронъ, загрустить, зашумить, да и помешать въ чужую землю. . . Ань идти! кости лежать, сабли торчать; кости хрустящи, пощепанные сабли бренчать. . .

„А черная, спая сорока оскалилась и скачень! . . . А головы козацкихъ — слово шеарь-Семенъ шкуру подпердъ!

А чубы — словно чорпъ жгуты новмы въ крови вѣтъ за-
сохли: тѣ-то и славы набрались!

Вонъ пошли козаки на чепыре дороги, — чио на чепыре дороги, а на пятое на Подолье. Чио одниъ по-
лезъ — то пошель Самкъ Мушкенъ, а другимъ полемъ Сте-
панъ Кукуруза; какъ сизая голубка, свою буйную голову
ношися. А за нимъ идуть мало-мало не три шысачи, все
храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцууютъ, саб-
лями поблескиваютъ, бьють въ бубны, Богу молитвы воз-
сылаютъ, кресты помагаютъ, къ Степану Кукурузѣ шакай
слова говорятъ:

— Живъ ли ты, здоровъ ли, Пашъ Степанъ? Или ты
умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ?
Раздумъс не въ поминанье! Когдакъ инибудь да надо по чась по-
минки творить. Какъ по чась, Паше! сиарыя бабы сизнуинъ
въ полѣ свистыни; а по тебѣ, Паше, молодыя лѣвицы за-
чиунуть голосинъ! —

— „Да то все одинако, что Лкимъ, чио Яковы! Вонъ
какъ дойдешь до пятаго яра, то хоть и сердъ лѣна —
зашумитъ, загуденій не-приведи-Богъ-бура... Буденій и
нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка сиеню лепучи, лѣсомъ
скочучи. Чио она куковала, то правду говорила. Наленінъ
орлы сизые, сианущи гореватъ; а вѣроны налемпинъ, спа-
нуинъ добычи ждали, поджидали. Вонъ какъ налемпинъ тѣ
кукушки, чио чась не забыли... Чио жить, а чио дѣль,
а чио и Запорожскій козакъ... . . .

Вонъ пошли козаки на чепыре дороги, — чио на
чепыре дороги, а на пятое на Подолье. Чио одниъ полемъ —

то пошель Самкъ Мушкенъ; а другимъ полемъ — то по-
шелъ Степанъ Кукуруза; а первымъ полемъ — то по-
шелъ Карло Полюорѣ - Кожуха: на конѣ гарцууетъ, поешь
иѣсно. А за нимъ идуть мало - мало не три шысачи, все
храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцууютъ, саб-
лями поблескиваютъ, бьють въ бубны, Богу молитвы воз-
сылаютъ, кресты помагаютъ.

А Карло Пашъ Гельманъ (?) на конѣ гарцууетъ, поешь
иѣсно:

Разсукина ша шоска меня изсунула,
Она мейтъ молодаго, она съ ногъ свалила.

А я той ужъ тоскѣ да не поддаюся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горылки напьюся.

Ой кио хочеть меду пить, пойдемъ до жидовки —
У жидовки чёрны бролки, высокій подковки,

Юпотка пестрѣнъка, сама молоденька —
Ужъ и чио за пригожая, тѣ-то удалая!

Шинкарочкѣ мал! лей мѣдь меду, вина,
Да чтобъ мал головушка веселѣнъка была!

„Коли ты женатый, то иди до дому;
Колиже не женатый, то ночуй со мною!“

— Есть у меня жонка и дѣвочки двое —
Да не приголубится, сердечко мілобѣ!

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЬ И БАРАБАШЬ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковой Писаремъ; *Белоцерковскій Климентъ* мігъ называшень (не Полковникъ ли *Гиря?*).

Въ седьмь году Король Владиславъ писаль къ Барабашу: „Когда вы есть воины добрые, саблю и силу имаете: клю-же взять за себя спать воспрещаешь?“ Барабашъ скрылъ эту грамату; но Хмельницкій узналь содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытию свою изъ Варшавы по дѣлу съ Чаплинскимъ за изътешную обиду.

Произшесшие, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Всмѣдь за оныи Барабашъ былъ онь Польского Правительства сѣланъ Гетманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостою былъ тогда *Криваскій* (убитый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же старостою былъ *Александръ Конецпольскій*.

Въ стихѣ: *Кўмомъ ёгъ до сѣбе прохадъ* — я выпустилъ слова: *до города Чигрина*, ибо это ошибка изречено позднейшихъ Бандуриновъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до города Черкаса*, въ другомъ стихѣ (*Чуръ свогъ посылає*); а въ стихѣ: *днѣмъ и нѣтъ изъ Чигрина* посыпалъ — было въ списѣ *до Чигрина*.

Изъ денъ-годыны (58),
Икъ сталя зревоѓа на Українѣ.
То ихъ не може обобралъ (59)
За вѣру Христіанську односѣйне (60) стали;
Только оббралъся Барабашъ, да Хмельницкій,
да Клімъ Белоцерковський;
До Короля выступали, лісідовъ, Наверсаль (61)
прохадли,
To Король Наверсалы писаў,
Самому Барабашу до руки подаваў;
А Барабашъ лісты икъ взаў,
Тры годы козакамъ знали не даваў.
To Хмельницкій тёп догадаў,
Кўмомъ ёго до сѣбе прохадъ, добра угощаў.
А икъ стаў Барабашъ на подпітку (62) гулапит,
Стаў ёму Хмельницкій казали:
„Годъ (63) тобѣ, Пане кўме, лісты Королевський
держали,
Дай менъ хоть прочитали!“
— „Нá що тобѣ, Пане кўме, іхъ знали,
Мы дачай не даёмъ,
Въ войско Польске не йдемъ;
Не дучебъ нахъ зъ Ляхами,
Мосцівими (64) панаими,
Мирко пробували;
А нѣжъ пойді лутовъ понирали, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обобралъся — вызвались.

(60) Односѣйне — въ одну сиаю, единодушно. (61) Наверсаль — Універсалъ. (62) На-подпітку — на-веселъ. (63) Годъ, буле — довольно, полно, будешь! (64) Мосцівый — знаний, вельможный. (65) Нежели пойти луга ширинъ.

Своймъ пѣомъ комаровъ годовати (66)?²⁴

То Хмельницкій тѣе зачуваць,

Ще лутихъ напінківъ подаваць.

То Барабашъ якъ уйвея,

На лежку (67) спасти авалієя.

Тогдѣ Хмельницкій ключі одбираў,

Чуру свого до города Чигриня посылаў,

Велѣть ключі Паны Барабашові подати,

Листы Королевськихъ пишаші.

То чура до неї прибувае,

Словами промовляе:

„Пані Барабашова! твой Панъ спавъ у насть гу-
лами,

А любѣ велѣть листы Королевській подати.

„Де-сь (68) моему Панові ліхомъ занудилося,

Що въ Хмельницкимъ гуліщи схоптѣлось!

Пойді въ глухоть концѣ підъ воротами

Листы Королевській въ шкапіуль вѣзьми!“ —

То чура скоро листы доспавъ,

День и ночь изъ Чигриня поспышаць;

Скоро прибуваць, самому Хмельницкому листы
подати.

Тогдѣ Барабашъ рано прочиняе (69),

У кормани поглядае — ажъ ключовъ немае.

Вонъ спаросту Кричевского пробужае,

(66) Годую, годовати — коринть. (67) Лежко —
кроваша. (68) Де-сь — (так-то), знать, вѣро. — Ли-
хомъ занудилося — бѣдою заносковалось. (69) Прочи-
нилиц — просмальця, очиняця.

Двома коними тихо зъ дворя выѣздае,

Думае, тадае,

Якъ Пана Хмельницкого до рука прибрали,

Лахамъ отдали.

П Е Р Е В О Д Ъ .

Съ той поры-времени, какъ началась превога на Укра-
инѣ, никого не вызовешен, чибы дружно спаинь за вѣру
Христіанскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельниц-
кий, да Климентъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, про-
силіи грамашъ Універсалъ.

Король написаи Універсалъ, и подаиль въ руки само-
му Барабашу. А какъ взяль Барабашъ грамашы, шри года
не даваль знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позволь сго къ себѣ въ кумовья
и спаль угощашь. А какъ разгулялся Барабашъ на-весель,
спаль ему говориць Хмельницкій: „Помо тебѣ, Панъ кумъ,
Королевскія граматы держашь, — дай менъ хочъ прочипашъ!“

— На чио тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? подаши мы
не даемъ, въ войско Польское не ѹдемъ; не лучше ли намъ
оснавашися въ мирѣ сть велиможными Панами Лахами, чѣмъ
идти луга шоццашь, да корыти комаровъ своимъ пѣомъ?

Какъ услышашъ вто Хмельницкій, подивашъ ему еще
лучшихъ напінківъ. Упился Барабашъ и повалимел спаинь
на кровашу.

Тогда Хмельницкій отобраиль у него ключи, посадаиль
своего чуру въ горадъ Чигринъ, велѣть подаиль ключи
Паны Барабашові и просить Королевскихъ грамашы.

Пріхаль къ ней чура и говорить словами: „Панъ Барабашев! лівой Панъ остался у насъ гулать, а шеѣ вельми доснай Королевскія граматы.“

— Видно моему Пану болио вспомнилось, что съ Хмельницкимъ гуляшъ пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возами въ школуки Королевскія граматы.

Чура тощась доснай граматы; день и ночь сидѣши изъ Чигрина; скоро пріхаль и подалъ граматы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣвъ въ карманы, а ключей нѣти.

Будиль онъ спаросту Кричевскаго; тихо они на двухъ коняхъ выѣзжали съ нимъ со двора; думають, гадаютъ: какъ-бы прибрать къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдать Лахамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Опісались къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ кізу Днѣпра тихій жѣперъ вѣс, повѣнѣ; Войско козацкое въ походѣ выступиа:

Только Богъ Святый знає,
Що Хмельницкій думаетъ, гадає!
Объ тѣмъ не знали ни Станики,
Ни Опанчаны Куренныи, ни Полковники:

Только Богъ Святый знає,
Що Хмельницкій думаетъ, гадає! . . .

Лякъ до Днѣпра прибували;
Черезъ пари перёвозы переправу мали;
Самъ Хмельницкій наперёдъ-всехъ рушає,
До Холмі (70) прибувавъ, у старшого Конишана
на квартире стаи,
До Василія Молдавскаго листы посылаи, слова-
ми промовляи:

„Що ты за мню будешь гадали —
Чи будешь биться,
Чи будешь мириться;

Чи на примирье будешь пріймани,
Чи славномъ Волощину половину отдаваши? —
То Василій Молдавскій тще затувавъ,
До Попоцкаго листы посылаи, словами про-
мовляи:

— Гельмане Попоцкій,
Що въ тебѣ розумъ яблоницкій!

Ты за дорогими нашитками, бенкетами угажаешь (71) —

Чомъ ты Хмельницкаго не единашъ? (72)
Вже почай вонъ землю київскими коньшами
орали,

Кривью Молдавскою поливали! —
Тогдї Лахі изъ города изъ Сочавы (73) упскали,
Василію Молдавскому знани давали,

(70) Холмі — гор. Холмъ. (71) За бенкетами угажаешь — за пирами гоняешься. (72) Единши — склоняешь (на свою сторону), единишь. (73) Въ Буковинѣ.

То Васілій Молдавський до Яссь прибуває,
Словами промовляє:

— Ой вы Яссы мои, Яссы!
Були естé бáро (74) красны,
Да иже не будеши таки,
Якъ придуши козаки! —

То пакъ Хмельницький добре учинить: Польшу за-
смунишь,
Волощину побуди, Геманніцику звеселишь.

Въ твой часъ буда честь, слава,
Войсковая спраха!
Сама себé на смехъ не давала,
Непрятеля подъ ноги топтила.

ПЕРЕВОДЪ

Съ низовы Дніпра шахій вѣтеръ вѣнчъ, поїдаєть, —
козацькое войско въ походъ выступаєтъ. Только Богъ Свѧтый знаетъ чѣмъ, Хмельницький думаетъ - гадаситъ! — Не
знали о шомъ ни Сошинки, ни Курениме Алманы, ни
Полковники... только Богъ Свѧтый знаетъ чѣмъ, Хмельницький думаетъ - гадаситъ! —

Какъ подбѣхали къ Дністру, переправлялися черезъ
три перевоза. Впереди всіхъ былъ самъ Хмельницький. Какъ
вспнушилъ онъ въ Хопинъ, остановился въ домѣ у спарив-
го Кашинана, посыпалъ писма къ Василію Молдавскому,
и говорилъ словами: „Какъ ивы со мною будешь вѣдаться:

(74) Бáро (Польское слово) — очень, весьма. Число, по
Малоросійски — дуже.

будешь битъ или будешь миришися? или примешь мене
съ миромъ и отдашь половину славной Волошини?“

Какъ услышашъ Василій Молдавский, посыпалъ писма
къ Потоцкому и говорилъ словами: «Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняещися за дорогими напитками и пирами! чи то ты идейши на Хмельницкаго? Онъ ужъ началь пахать землю конскими копытами, поливашъ Молдавскаго кровью!»

Тогда Алхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о шомъ знать Василію Молдавскому, прѣѣз-
жаещъ Василій Молдавский въ Яссы, говорить словами:
«Яссы вы мои, Яссы! очень вы были красны! а ужъ не
быть вамъ такими, какъ придуши козаки!»

Сдѣлалъ Панъ Хмельницький свое дѣло: навѣль спрахъ
на Польшу, побуди Волощину, звеселишь Геманніцину!

Тогда была честь, слава, войскова спраха! сама
себя на смехъ не давала, непрятеля подъ ноги топтила!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великий Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг.
6 собралъ въ Чигринъ козаковъ для избрания Гетьмана;
онъ предлагалъ на выборъ, какъ значился въ Исторіи (см.
Банд. Кам. ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю*
Полков. Переяславскаго, и Генерального Писаря *Ивана*
Виговскаго; а по словамъ Думы сей — Полковниковъ:
Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или
Льшицкаго), Крошиненскаго *Филона Чигал* (т. е. *Джел-*

жла или *Джеджелта*) и Кіевскаго *Вологал* (или *Адамонга*); но козаки наследникомъ своему Гетьману захотѣли избрать 16-лѣтнаго Гетьманничаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ посль того чрезъ 8 дній (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрий оплутался къ Бѣлої-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ избранъ въ пленъ 1643 при Железныхъ Водахъ, пошомъ вырался въ дѣлѣ къ Хмельницкому, а послѣ него измѣнически дѣлопроизвѣлъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговскій Москву*. — Обманы его вполѣ открылись дѣлопроизвѣлію чрезъ полнора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрий Хмельницкій.

—
—
—

Зажурилася Хмельницкого съдя голова,
Що при єму ни Сóпники, ни Полковники нема:
Часть приходили умбрáни,
Нѣкому порады (75) дали.

Поклоніе вбѣзъ на Івана Луговського

Писаря Войскового:

„Іванъ Луговской,

Писарь Войсковый!

Скорѣйше бѣжай,

Да лісты (76) пиши,

Щобъ Сóпники, Полковники до мене прибували,
Хоть маю пораду давали! —

(75) Порада — сонмы. (76) Лісты — письма, граматы.

То Іванъ Луговський
Писарь Войсковый,
Лісты писаць,
До всѣхъ розсылаць.

То Сóпники, Полковники, якъ йхъ прочитали,
Усе покладали, до Гетьмана Хмельницкого скорѣйши
прибували.

То Гетьманъ добре йхъ приймає,
Словами промовляє:

„Панове молодці! добре ви дбайте,
Собѣ Гетьмана наспамлюйте;

Бо я старъ, болю,

Больше Гетьманомъ не здолю! . . .

Коли хотете, Панове, Анібона Волочай Кіевського,
Або Грицька Коспиря Миргородського;
Або Філіона Чичай Кропив'янського;
Або Мартина Пушкаря Полтавського.“

То козаки тѣє зачували, смілино себѣ мали,
Такожко вздыхали, словами промовляли:

— Не треба намъ Анібона Волочай Кіевського,
Ни Грицька Коспиря Миргородського,
Ни Філіона Чичай Кропив'янського,
Ни Мартина Пушкаря Полтавського;

А хочемъ мы сина твоего Юрія молодого,
Козака лестрового!

— „Вонъ, Панове молодці! молодці розумъ має,
Звычайевъ козацькихъ не знає!“

Будемъ мы старыхъ людей бїлл (77) єго держали,

(77) Бїлл — подѣлъ, возль.

Будуть вони ёго научати, будемъ ёго добрае по-
важати,
Тебе башка нашого, Гетьмана споминати! . . .
То Хмельницкій тёне зачувасть, великую радость
себе масть,
Свідою головою поклонъ отдавасть, слёзы проливасть.
Скоро пасля шого ѹ горше Хмельницкій ан-
можасть,

Опрощенье за всѣми приймасть,
Милосердому Богу душу oddасть. —
То не чорні хмари ясне сонце засипали,
Не буйними вѣтрами въ пісмінні луаь бушували,
Козаки Хмельницкого ховали,
Башка свого оплакали . . .
А молодий Юрій підъ Бело-Церквою гулє,
Объ смртії отщєвській не знає,
Скоро лейтары до ёго прибували,
Листы подавали.
То Хмельниченко лісны якъ прочинявасть,
Слѣта Божого не вавидавъ!

—
То не багато Луговській гетьмановавъ,
Півтора года булаву державъ.
Скоро Сотники, Полковники прибували,
Юрія Хмельниченка Гетьманомъ поставили:
«Дай-же Боже! козаки промовили:
За Гетьмана молодого
Жити якъ за снарого,
Хлѣба, соли ёго вживали», (78)

Городъ Турецкий пландровали (79),
Славы, ліцарськихъ козацькому войську доспавали!

П Е Р Е В О ДЪ

Запечалилась Хмельницкаго съдалъ голова, что ніть
при немъ ни Сотники, ни Полковники; приходитъ смерти-
най часъ, а союза дать нѣкому! — Говорить съ Ивану Лут-
говскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговской, Войсковой
Писарь! быти скорѣ, пиши граматы, чтобы тхами ко-
миѣ Сотники, Полковники, хоть мало бы мѣ посочето-
вали! — Иванъ Луговский, Войсковой Писарь граматы пи-
салъ, ко всѣмъ разсыпалъ; а Сотники, Полковники, какъ
ихъ прочли, все бросили, скорѣ спѣшили къ Гетьману
Хмельницкому. — Гетьманъ принималъ ихъ ласкою и говорилъ
словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, спавши сеѣ Геть-
мана; а я спаръ, болю, болше не смогу быти Геть-
маномъ. Коли хотите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго,
либо Григория Костыря Миргородскаго, либо Филона
Чичал Крапивенскаго, или Мартина Пушкира Полтав-
скаго!“

Какъ услышали козаки, смущились они, піжко взды-
хали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Воло-
чая Кіевскаго, ни Григория Костыря Миргородскаго, ни
Филона Чичал Крапивенскаго, ни Мартина Пушкира Пол-
тавскаго: а хотимъ мы твоего сына, молодаго Юрія, ко-
зака ресенированаго.“

(78) Вживали — употребляти (пишу или пить).

(79) Пландровали (съ Нѣм. *pländren*) — грабити, разорити.

— „Онь, Паны молодцы, разумомъ молодъ, и не знаете козацкихъ обычашъ.“

— Будемъ держани при немъ старыхъ людей. Будуши они его учить, мы будемъ поминать его; и вспоминаниемъ тебѣ, отца нашего Геннимана. —

Какъ услышаш Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, опадаваль поклонъ сѣдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогаль Хмельницкій, со всеми прощался. Милосердому Богу отдалъ душу. —

То не черныя шучи засинупали ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лѣсе: козаки Хмельницкаго хоровили, отца своего оглашивали.

А молодой Юрій гулясіть подъ Бѣло-Церковью, не знаєшъ о смерти отцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рѣбнари, людали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взицѣль съѣта Божіяго . . .

Немного Луговскій гетьманенноваъ: держаль булаву пошпора года.

Скоро сѣзжались Сопники и Полковники, синвили Генниманомъ Юрия Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Генниманѣ жить какъ при снарою! видиши его хлѣбъ - соль, разориши Турецкіе города, доставиши казацкому войску рамзарской славы!“

КНИГА НЕРВАЯ.

О Т ДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доспа! иту пиръ докончаша храбрыи Русици, сваны попонша, и сами полегоша за землю Русскую. Нѣчинъ праща жалощами, а дровъ съ тѣлого къ земли приклонилось.

Песнь Игорю.

Ж. — Баторий, давший козакамъ устройство, разделилъ ихъ на *выборныхъ и охочекоманныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (лестровыи) козаки составляли постолиное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторії счиналось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кроме Гадяцкаго и Белоцерковскаго полковъ.

З. — **ОХОЧЕКОМАННЫЕ** козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промысленниковъ, но въ военное время собирали цѣльные полки; и дано было имъ право всякаго принимать въ себѣ въ козаки, почему множеству *поселеныхъ* (*) счали опходить отъ помощниковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторії всѣхъ вообще козаковъ счиналось около 20,000; а во время восстаний было 200,000, — по сказанію Богдана.

И. — **КОМІАННЫЦАМИ** назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихъ въ послѣдствіи и содержавшихъ на жалованіи. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерныи полки, изъ Малороссийскихъ полковъ устроенные.

К. — **СЕРДЮКАМИ** назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ сформировавшись, по мѣнио Баштышъ - Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ великаго сброду и были его пѣлохранищами, непалиссими для народа и войска козацкаго.

(*) *Поселенными* называлъ простой народъ (*рюхъ*): иѣхъ иѣхъ, комъ не имѣли земли и дворянъ (не-грушиновыи), назывались *супиджми* и *подсупиджми*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

О ВЪ ИВАНЪ КОНОВЧЕНКЪ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣпровскіе козаки ходили изъ Бѣлогородчины на Ташаръ, разбили ихъ подъ *Тлгнномъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Генерала *Кужицкаго* (пославленнаго Собѣскому) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. Лѣтоп. Рубана). Корсунскій Подковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджеля: *Джелжелъ* близъ *Корсуня*, находящагося въ Кіевѣ, губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Росі). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкени-долина* не толи-же чѣмъ и Черная долина? Городъ *Тлгнъ* нынѣ селеніе Тлгнка въ Херсонѣ, уѣздѣ между р. Ингульцомъ и городомъ Бериславлемъ (Кизикерманомъ). Рѣчка *Тлгнка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ Божіимъ* по шуму повторю, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у неї на крыльяхъ.

На славной Украинѣ,
Уславленъ городъ у Корсунѣ
Кликие, покликне Хвилоненко, Корсунський Пол-
ковники:

„Гдѣ замъ, панове молодці! домовати,
„Идите за мною на Черкенио-долину гуляти,
„Славыльщицы сплацовому войску доспаванни!“

Они-ногдѣ по городамъ не музѣки выгравали,
Осаулы пойсѣковыи похожали,
Лѣспы чипали, козаковъ въ походѣ звяликали:
А хто буде пан-опицѣвого — промовлалі —
Недѣлешико обѣда дожидати,
Той буде Хвилокенка,
Корсунскаго Полковника,
Въ шеснѣ миляхъ доганати! —

У городѣ у Черкасъ жила вдовѣ спаренка,
Мѣла собѣ (80) сына Ивана вдовиченка Коновченка.
Вона пѣе пѣрше (81) єго аастувала,
До господы (82) иайскорѣйше прибувала,
Усѣ кони изъ господы позсылала,
Все оружье у комишу замыкала,
Къ дому Божому до церкви поспѣшала.
То Иваѣсь одѣ сна прочинѣ по хатѣ поглядѣе (83) —
Аже ии одиои шаблѣ булатной,
Пишаль семинѣйной
На спѣнь немае!

У спаиню (84) ухожае, а на спѣнь ли одиои кони
вороногого.

Вонь нѣнку спаренку бѣлѣ церкви доганяе, сло-
мами проповѣяе:
„Не-дѣбре ты, мапи, згадала,
Що всѣ кони изъ господы позсылала,
Все оружье у комишу замыкала;
А луучебѣ ты, мапи, зробила, (85)
До города Крымова одѣїдала,

(80) Иыгла у себя. (81) Сперва, прежде его услыхала. (82)
Господѣ — дома, (83) Пробуждаешься. (84) Спаиня —
сарай лошадиный. (85) Сдѣала.

Сто злѣыхъ жиду оландаю (86) давѣла;
У нариѣдѣ дѣброго коня куповала,
Менѣ молодаго въ походѣ знарикала! —
„Маешъ ты чопырѣй волы чабаныи (87),
Два коня опицѣвскѣй вороныи,
Можешъ дѣбре у Черкасъ поживати,
Козаковъ на хлѣбѣ, на соль закликати.”
— Що менѣ съ тѣго, що буду я дѣбре поживати,
Будуши менѣ козаки за хлѣбѣ, за соль подавати!
Только будутъ менѣ, мапи,
На-поднѣпку, гречкосѣвѣтъ, домонтаремъ (88) ве-
личании,
Коня мого прибл҃удо называти.
И вакѣ менѣ не чеснѣ, не подоба (89) по рѣльямъ
(90) споминати,
Жовтихъ чоботъ калати, (91)
Дороги сукнѣ пыломъ (92) набивати!
А хочетися менѣ, мапи,
Пойти подъ городѣ Таганю гулани,
Славы лыцарськаго доспивати! . . . —
То пѣе промовлівъ,
У нѣнки спаренкой благословеняя браѧ,
Изъ дому опицѣвскаго поспѣшаѧ,
На Черкасю-долину въ козаками прибуваша.

Не ясенъ соколь на долинѣ по табуру гуласъ,
Не белая лѣбедь спѣвае:

(86) Оландаю — арендаторъ. (87) Чабаний — выхо-
жениий. Чабанъ — пасиухъ. (88) Домостѣль. (89) При-
личие. (90) Роли — борозда, пашня. (91) Пачкань. (92).
Пыль — Пыль.

Полковникъ Хвилоненко похожае,

Словами промовляе:

„Коибрый-то, паноне молодыи, козакъ дородный (95),
Це ѹ конь подъ нимъ воздобный (94),
Найде за мною на Черкеню-долину гулани,
Сланильцерсыши коацькому війську доснавани?“

То Ива́сь Коновчено пошее зачувањь,
Нашередъ всехъ благословенія прохажа (95).
„Ты даника, Ива́сю, молода! полковникъ промово-
вліть —

Ни на пољ, ни на морѣ не бувало;
Смртній бїлі сїбе не видало,
Якъ азычакъ козацькій познанешъ,
Лучче тогда погуліешъ.“
— Не всѣ старійшии высоко лѣплюсь,
Не всѣ старійшии карасевъ ханаюсь,
Траняется (96), башыку, що кратя (97) мале
Лбимъ рыбку краче нѣжъ старе. —

То Ива́сь пошее промовляє,
Зъ Полковникомъ на долину выѣзжаетъ,
Дванадцать Татаръ передъ мячъ принайти,
Щеси на аркамъ азычасть,
Хвилоненку гостиници подавасть.
То Полковникъ бусурманію принайтие,
Ива́сю Коновченку бїлі сїбе сажае, славу его вых-
валіе.

То Ива́сь великую радость мае, словами промовляє:
„Благословій мене, башыку, оковити (98) напиться,

(93) Способний (94) Удалый? (95) Проси, (96) Слу-
чается (97) Кратко, ушка, (98) Оковити — aqua
vitae! — хлебное зерно.

И не зарікаюсь съ бусурманами щелучче побіться.“

— Не велю я тебѣ, сину, оковити напиваніи,
Да иший съ бусурманами на долину гулани;
Колиже иже ты хочешъ ети напиваніи,
То велю въ моемъ намѣнѣ лагий (99) спочиваніи. —

„Сей мене хмель не буде заражаніи (100),
А буде моему сердцю смѣлостій додаваніи.“

— То не вихорь по Черкені-долинѣ гуліе,
Не сївой орель испребойзъ таніе,
Вдовиченко Коновченко на ворономъ конѣ розъ-
їждае,

Мечемъ свойськъ якъ бліскавка сїе,
Трёхъ Ташаръ-аничаръ въ коней збивае;
Тогда шабло буланину онускае,
Козакамъ лыцарськво своє выхвалие,
Безпечне по долинѣ розыграждае,
Бусурманію на смѣхъ подбимае.

То беабожній бусурманы пошее зачували,
Нашлиого козака заразъ нознавали,
Больше єму пољ гулани попускали,
Одъ шабура козацького заразъ опибали,
Гнівомъ Божімъ, саранчю, на козака налішили,
Шаблями, пистолями смрінки рани даровали,
Только коні козацького не поймали. —

То добрый конь до шабура прибывае,
По куренямъ гуліе, гостиными конінами збило
коніе,

(99) Лагаю, лагий — ложусь, лежу (100) Тигонинъ
Вага — важесть.

Смутно ржучи, козака своего выкликае.
 То Хвилионенко зще зачуваиъ,
 Иль намёпа своего выступаиъ, словами промовляиъ:
 „Он-сé вы, брати, недобре зробили,
 Що напилого козака гуляти пустили,
 Мовъ вы сами его зъ съина згубили.
 Добре вы дбайше, оружье заправляйше,
 Бусурманой одъ тѣла козацкого отбивайше,
 Бо вже не-дáромъ козацкай конь по табуру гуліе,
 Мабуть Ивася Коновчэнка на съѣтъ немае.“ —
 То козаки тѣ зачували, на долину найскорѣйши
     воспѣшали,
 Бусурманой одъ тѣла козацкого отбивали,
 Шаблями, надблоками (101) суходоль конали,
 Шапками, приплами перстъ выбирали,
 Ивася Коновчэнку могилу насыпали,
     Въ семипѣднй пищали грехали,
     У сурѣмки жалобно выгравали,
     Славу козацкую выхвалили.) —

Скоро послѣ того спали козаки табуръ изнѣмали,
 У городы христіанскій уступали.
 То вдовѣ спаренъка
     Мачи Ивася Коновчэнка
     Не у дому си-мала,
 На базарѣ солдкій мѣдь выставляла,
 Сына своего Ивася Коновчэнка выглядала.
     Перва солина наступала,
     Вдовѣ сына не видѣа.

(101) Надблокъ — заспушъ?

Друга солина вступа, самъ Хорунжий попрѣду идѣ,
 Два козака козацкого коня на поводахъ ведѣ.
 Вдовѣ тѣ забачала,
     Жалобныи слова промовляла,
 Славы, смѣршій сына своего пищаля,
 Всѧхъ козаковъ на хлѣбъ, на соль закликала,
 Похороны и веселья Ивасю отбувала,
 Полковнику козацкого коня даровала,
 Старшымъ шаблі, пищали Ивася раздавала.

Поляглѣ козацька молодечька голова,
     Якъ одъ вѣнцу на спину штрава!
     Слава не вмрѣ, не полаже,
     Лыцарськво козацкое всікому розкаже! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛЬ И МАЗЕНЬ.

Во 2й части сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковскаго, въ собраніи коего она находится какъ отдельная песня, чѣмъ видно и по самому ся складу. Произшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Паль былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и пред-
 ставляетъ Пала сильно участниковъ въ Полтавской во-
 бѣдѣ, послѣ коей осадились въ Малороссіи и послоди: 1) Добувся икъ Шведъ подъ Полтавою, 2) Не півъ
 Полтавской водѣ (не испыпалъ горя).

Ой ты гадаешь, Мазено, ты гадаешь измѣнили,
Ой ты хочешь, ты хочешь Царя отступили!
Ой ты гадаешь, Мазено, въ иень Москву рубали,
А самъ хочешь да на столицѣ царемъ царствовани!

Ой что замѣнишь Генъманъ Мазено къ Палю
Семёну:

— Ой Палю, Палю Семёне! чи не зрадиши (102) ины
мене?

„Ой якъ же я маю, Генъмане Мазено, тебѣ изра-
жати,

„Коли ины будешь, Генъмане Мазено, добраe почи-
нами.“

— Я думаю, Палю Семёне! въ иень Москву ру-
бали,

А самъ хочу да на столицѣ царемъ царствовани! —

„Виереди же ты будешь, Генъмане Мазено, у
столбѣ спояши (*),

А иже будешь на столицѣ царемъ царствовани.“

—
Ой не знаю, не знаю проклятый Мазено якъ Па-
лья застави;

Ой сиаю же, сиаю проклятый Мазено на бен-
кѣнъ запрошаши.

(102) Зрадиши — изгнать (кому), предавать (кого).
Израдливый, зрадливый — предательский.

(*) Привязывали къ столбу, было одинъ изъ низор-
нейшихъ наказаний у казаковъ.

— Ой приѣдь, приѣдь, Палю Семёне!
Да на бенкѣнъ до мене! —

Ой скоро Палю Семёну въ свойъ войскомъ
пріѣжае,
Ой иакъ скоро проклятый Мазено чашу меду вы-
сылае.

Ой пье Палю, ой пье Семёну да головоночку клонилъ,
А Мазено чура Палю Семёну кайданы готопинъ.

Ой пье Палю, ой пье Семёну, изъ ногъ извалился,
Барао тому Генъманъ Мазено стоя звеселился.

Ой якъ крикне проклятый Мазено на свой тайдукъ;
— Ой вѣзьмите Палю Семёна да у тѣсны руки! —

Ой якъ крикне проклятый Мазено на свой лейпциръ;
— Ой вѣзьмите Палю Семёна закуйте въ кайданы!

Ой якъ крикне проклятый Мазено на свою вѣзницу;
— Ой вѣзьмите Палю Семёна да вѣзьмите въ

тѣмницю!
Не давъ Генъманъ Палю Семёну ни пши на ёсли,
Доколь не высланъ проклятый Мазено на спо-
лйцо листы.

— Оинѣ-же тебѣ, промовлѣ, Царю! есть Палю
измѣнникъ!

Вонъ тебѣ хоче вже отступили, въ иень Москву
рубали,

А сакъ оче да на столицѣ царемъ царствовани. —

Обованѣнъ Палю Семёну въ тѣмной тѣмницѣ:
„Брёши, брёши (103) проклятый Мазено въ Царя на
столицѣ!“

(103) Брѣши — лгать, лажи, ласти — бранить.

Онжé-жъ тобé, да прáведный Царю! самъ Гéть-
мáнь измéнникъ,
Бóй тебé хóче иже одстуpáти, въ пéнь Мо-
сиву рубáти,
А самъ хóче да на столицъ царéмъ царствовáни.^а

Ой що замóвляти мосcивыи паны до прávedna Царя:
Выпукайты, да прáведный Царю, Палéль шеминíцíй,
А то бúдуть бусурмáны Швéды на швой стolицѣ.

====

Да щé хмéль, да щé зеленéнький на шычину не
зvivся,
А вжé Палéль подъ Полтáвою ить Швéдомъ побýвся.
Да щé хмéль, да щé зеленéнький головóкъ не ахилéвъ,
А вжé Палéль подъ Полтáвою и Швéдомъ побýвъ.
Ой кликне, покликне да Король Швéдский, на гар-
мáнь спóя:
„Вшéймо скорéйши, Гéтьмане Мазéпо, зъ Пол-
тáвского поля!“ —

Тогдá воны ушéкали усь зъ-подъ Полтáвы. . .
Богдá воны не дождали бýться въ козаками!

=====

ПРИВАЛЕНИЕ.

ДУМА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТЪЗДЪ КОЗАКА.

Слъ небольшая Дума переложена изъ пьесы: *Гомбъ гомбъ по дубровъ* (см. Ки. III. № I.), подобная коей есть и между Литовскими пьесами, и между Русскими (*Отецъ на сына прогнавалъ*).

Въ недéлю рáно-порáно не у веъ давóны (104) давонéли,
Якъ у вдóвиномъ дому гомонéли.
Лихíй вóлгчимъ козаченъка молодого лáе,
Мáти сýну слéзко промовáле:
Иди ты, сýну, кéжъ чужкимъ люде,
Чи не лúчче тобé на чужинé бúде?
Нехáй (104) тебé чужкй бáлько, сýночку, не лáе,
Счаствия твого козáцкого на-иќъ не забавáле!

Тáжко, шáжко менъ тéбе
Зъ дóму одиравлáти,
А щé тáжче бáлá сéбе
Въ анегóдни держáти!
Хочъ пойдешъ ты на чужину —
Слёзы менъ лíти;
Хочъ зостáвишъ сéбе, сýну —
По великъ часъ пужйтъ! . . .

(104) Дзвóнъ — колоколь. (104) Нехáй, хай — пустынъ, не-замай (въ Библии — небрани).

То старша сестра конёнька выводишь ;

Шо найменша рыдае ,
Словами промовляе :
Изъ якби тебе , брате ,
Синороньки ждани ?
Чи одъ чистого поля ,
Чи одъ Чёрного моря ,
Чи одъ славного Запорозья ?

„Возьмй ты , сестро , избвтого пыску ,
Да посы ти , сестро , на белому камни :
Коли буде жывіти пысокъ выросшапи ,
Зеленымъ барынкомъ камень успиланци !
Въ той часъ буду , сестро , до васъ прибувати !
Бо якъ шажко на беравды рыйбъ пробувати ,
Такъ шажко на чужинѣ безрбдному проживати !”

То писе промовляи , на конѣ сѣдахъ , опрощенье
пріимати ,
Смутно зъ дворя олицевського козакъ выѣзжанъ .
Довго вони на могиль край села спояли :
Довго , довго козаченъка вбчими проважали ; —
А ще довше вони йго дома оплакали .

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТЬЕ.

Не сиза возуленька въ шемидѣ луаѣ кувала ,
Не дробная инашка въ садку щебетала ,
Сесирия зъ братюже изъ-далека размовляла ,

Поклонъ посыла :

„Брашкы май милый ,
Якъ голубонько сиамъ !

Прайди до мене изъ чужби стороны ,
Посыни мене при лихой годинѣ !”

—Сестро мой родненъка ,
Якъ голубонька сиаенька !
Якъ я маю прибувати ,
Тебѣ навышати ,
За шемными за лѣсами ,
За дальными за степами ,
За быстрыми за водами ? . . .

„Черезъ шемный лѣсъ яснымъ соколомъ лени ,
Черезъ быстрыи вѣды белымъ лѣбедемъ ильмъ ,
Черезъ степы далеки перешёлочкомъ бѣжкъ ,
На моемъ , брате , подврбѣ шы голубонькомъ надѣ ,
Добре слово заговори ,

Мое сердце сиропськое звеселѣ !

Чужкъ , брате , сестры зъ дому Божкого идуши ,
Всѣ якъ бчлочки (105) гудуши ,

(105) Бчлака или бджола — пчела.

На хлебъ, на соль людѣй закликайошь,
Менѣ-жъ, брате, словомъ не зайдяюшь,
    Мовъ въ вѣчѣ не анаюшь . . .
А якъ коли-сь эть наими хлебъ-соль повожали,
Въ той часъ кумами, побранами авали;
А якъ приспѣгла несчастна година —
Названа и кровна одрежалась родина . . .“

КНИГА ВТОРАЯ.

ШЕСЕНЬ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То спарша, то и дѣланье:
Синему морю на упійшенье,
Быспрымъ рѣкамъ слана до моря,
А добрымъ людлагъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на погудочки,

Стихи о Дюкѣ Степановичѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значило — бродка; а Запорожцы въроятно въ началѣ были почили тоже, что бродяги Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только шѣмъ западамъ Запорожцевъ, конь, не составляя войска Запорожскаго, охопившись разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ Гайдамакъ, производя отъ гаї (лѣсъ) и домъ, — лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значение вѣрѣть: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: гайды — пошель, гулай; макъ — окончаніе неопределеннаго наклоненія. Впрочемъ слово гайды никогда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ гультай — гулка (откуда и слово гультайство).

М. — КРАВЧИНА: шакъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый имъ вождь сначала занималъ шинель кожуховъ (тульникъ), былъ кравецъ (портикой)? Это обращалось сму въ укоръ и насмѣшку отъ противника, что и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно привлечь себѣ это имя.

В В Е Д Е Н И Е.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—38) опредило судьбу на 4 века Южно-Русскую или просто Русскую землю; а въс. Украина, отъ си родившаго союза съ Северно-Русскимъ Княжествомъ, съ коими она соединяла древній періодъ нашей Исторіи, и поимъ имѣній съ ними естественно включила погону ярма Татарапаго. — Въ то время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ опубликовалъ Кіевъ *у поганой Татары*, и Украиною овладѣла Литва беззаконная, подавила храбрыхъ Русичей на Татарапѣ и на Крикаконѣ. Понемъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшию (Pacta Conventa, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина выстѣпѣтъ съ Литвой подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украинамъ (съ 1340) началась *Московія* — юное сердце, росткомъ saliens Великой Россіи; и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ низкой земли Татарапской, крѣпилось и росло въ сей исполній и мощній организмъ, — на Югѣ занималось *Козацество*, кошто рое, подобно летучей кометѣ, вспыхнуло на Украинѣ, грозно пронеслось въ міръ, огневою чертою означило сіядъ си въ Исторіи, и — прибѣгъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Вѣнчаніе набѣги Татарапѣ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ сие время общаго хаоса, служило поводомъ къ союзованію Козацества за Норогами Дніпро-скими — шемъ, где воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головы козацкихъ! . . . Запорожье было гнѣздомъ, где роились дружини, инвазии, холостяя ванная вольныхъ Козаковъ — плодилась безъ матери, ибо для нея была Стѣ мати, а великий Лугъ батько. Козаковъ сводила и дружилъ жажды воли, мечты, битвы и добычи, и всякой выходецъ — кто бы онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, привнеся съ собою удалую боевую отвагу, она принялъ Греческую вѣру и языки ихъ.

Дѣвъ стихіи сіи, т. е. Азіатски-натѣднійская и Греко-христіанская, глубоко пріинаны были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Донецарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, патріотический воспинали въ немъ непрестанными схватками и обличеніемъ съ ордами Азіатцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византийцами они получили Восточное христианство и нисхожденіе. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ природнымъ свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состояло въ угрюмой, споль способной къ внутренней жизни глубинѣ духа, кошмарную искони воспоминало въ нихъ родное имъ Черное или Русское море, и въ грустномъ беспокойствѣ, къ коему располножила ихъ жизнь списей Днѣпровскихъ. Ибо Українцы или Малороссіи, созидалиютъ Восточную половину Южныхъ или Черноморскихъ Руссовъ, имѣвшую свою срединочестью богоносаемый градъ Кіевъ, именемъ коего называлась иногда и сама страна ихъ — Земля Русская, Україна или Малороссія (1). Западная половина ихъ состояла Червлѣнную (Красную) Русь или Галицію, где Южно-Русской называли ихъ иныи называвшися Русскимъ, у нась же названіе Русского усвоилось языку Сыверно-Русскому или Велико-Русскому.

(Слово о полку Игоревѣ есть драгоценный памятникъ Южно-Русской Позіи XII вѣка, имѣюшій, по поэму мыслию, подтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Например изъ Никол. Лыс. Ч. 3. с. 4. — „Того же (1259) „Альта Башний нача посыпали рашъ на грады Рускіе, и взяли „градъ Перелегавль Рускій иже иль Кіевъ.“ Перелегавль всегда въ себѣ Азіатицемъ наз. Русскимъ, въ означение оныхъ Нередко звали Заднѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

О Т ДѢЛЪ I.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ

О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА, ДОУНІАТСКИХЪ.

Полягма козацька молодечка голова
Лькъ одь вѣнцу на стегу тирана!
Слака — не вирѣ, не подіже,
Лицарсько козацьке всікому розкаже! . .

Дума X.

ЗАМЕЧАНИЯ.

Въ началѣ 16 сполтнія Козачество изъ Запорожья раздѣлялось уже по Украинѣ, и мало по малу переселяло себѣ такъ называемое *рыцарство Шляхѣтное*. — Ташарскимъ именемъ *козака*, означавшемъ первоначально только *натѣдника*, стало называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, когда называли себѣ Украина. „Козакъ“—по словамъ лѣтописи—на Украинѣ было спомъко, сколько и людей: „речень старшій слово, аbie войска числомъ аки труда „будеть!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рэйтара* (Ritter) или *ссадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность косу *Козачество Украинское* предсматривало себѣ *рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Позицію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашешие себѣ владыку въ единогодиѣ Царь Восночитель (или Московскому).

Съ 1566 года *Евстафій Дацкоантъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Генераломъ Козачества Запорожского и основателемъ онаго въ Хмельницкѣ. Потомъ предводили козаками *Венжикъ* (Венцеславъ) *Хмельницкій*, *Димитрій Винницевскій*. Въ 1564 — 1574 козакомъ Генераломъ былъ *Іванъ Сирговскій* — той бѣ *Слова дній своихъ*. После него вождемъ козакамъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, кѣюромъ въ 1576 отъ Короля Башорія (или Бахмыра) получилъ титулъ *Запорожскаго Генерала*, клейномъ, бунчуку, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка Генералами были *Іванъ Полкosa* или *Серяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скализубъ*.

Весь этотъ периодъ можно назвать быть периодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе времена Татарами, Турками и Волохами, не только на суши, но и на Черномъ морѣ, по косу разѣзжалъ на своихъ лодкахъ, они производили опускющій въ Синопъ, Трапезунтъ и Царьградъ; ради сихъ подвиговъ заключаючи славнымъ морскимъ походомъ *Скализуба*, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здесь говорится определенно о смѣрти сего славнаго Генерала, послѣдовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Туркцию по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Арманина.

1 (*).

Якъ того Пана Івáна,
Що Свирговського Генерала,
Да якъ бусурманы поймали:
То голову їмú рубали,
Ой голову їмú рубали,
Да на бунчукъ шішали,
Да у сурми выгравали,
Зъ єго глумовали.

А изъ низу хмáра спасала,
Що нбронь ключа набыгла,
По Українѣ туманы влáла;
А Україна сумовала (16) —
Ой Україна сумовала,
Свого Генерала оплакала.

Тоді буйний вѣпры завывали.
— Дѣ-жъ вы нашого Генерала сподѣвали?
Тоді крѣчены налѣпали.
— Дѣ-жъ вы нашого Генерала жалковали?

(16) Сумовали — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Старницы кн. I. — Тамъ ссыпаны въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, подѣльши дополнительную при помощи моихъ чиновниковъ.

Тоді орлы загомоніли (107).

— Дё-жъ вы нашого Гетьмана захороніли?

Тоді жайворонки повилися.

— Дё-жъ вы изъ нашими Гетьманомъ проспилися?

У глыбокой у могилѣ,
Бїлї города бїлї Кїлїи,
На Турецкой лїнїи!

ПЕРЕВОДЪ

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Сирговскаго, да какъ поймали бусурманы; то рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на буничку вѣшили, и въ труби играли, и глушились надъ нимъ.

А съ низовья шапнулась туча, набѣгала что спая вороновъ, и силами туманы по Українѣ; а Україна горевала; охъ, горевала Україна — своего Гетьмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда наливали кречеты . . . Гдѣ вы тужили по нашему Гетьману? — Тогда закричали орлы . . . Гдѣ вы захоронили нашего Гетьмана? — Тогда повились жайворонки . . . Гдѣ же вы проспились съ нашимъ Гетьманомъ?

— Въ глубокой пъ могилѣ, возѣ города всадъ Кїлїи, на Турецкой лїнїи.

(107) Гомонъ — кракъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у градъ у Черкасъ сурмы засурмилі,
Якъ тѣ Лашській комисары до Гетьмана приходили.

Ой у градъ у Черкасъ бубны заорали,
Якъ тѣ Лашській комисары до Гетьмана прибували.

Ой заржалі коні, коні, да підъ гору йдути,
Заголосили бусурманы до Кїлїи йдучи.

Отъ, якъ панъ Сирговскій до Кїлїи прибуваъ,
Усіхъ козаковъ забираў, да на Радѣ проханъ.

Сіавымъ брликомъ дѣтавъ, яворонькомъ гну́вся:
— Дё-сь шо я, мой мілы братъя, да й сподви́уся?

Сподви́уся панъ Сирговскій у сырой могилѣ,
Якъ козакъ бїлї ёго да загомоніли!

3.

Ой панъ пышний, панъ Сирговскій,
А ще другій панъ Зборовскій,
А ще третій Морозенко,
А четвертий панъ Горленко.

Що въ Волхами Туровъ дерётися
А въ Ташкенті Волхъ бытися.
Да Волоські землі руйнуетися,
Пліндрують ще й не милуються.

Не то башенько сина прощають
Шаблю да збрюю давають;
А то мами сина вышовожада —
Що слезами опрошено давала,
Що на горе собѣ ёго выгодовала.

Плакала стара баба Гриціха,
Мохъ перепеліха, мохъ перепеліха.

Молодая сестра сонь-праву (108) ирвала,
Сніарую пыніала, сніарую пытала:

— Чи той сонь-права козацька сила?
Чи той сонь-права козацька могила?

„Ой той сонь-права, голубонько, зростівся у поль,
Да поймала шту праву недоля, да дала моїй донь.

Ой доню-жъ, доню, мої доню! тобъ сумована,
Що нашого молодого Івана въ могилѣ шукали! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗЕНКѢ.

Въ Зй пѣснѣ о Сирговскомъ Морозенкѣ упоминается
какъ его сподвижникъ: и только основываясь на сесмъ, я
помышлю здесь пѣсни обѣ житомъ козакѣ, весьма любимымъ въ
народѣ. Изъ Испоріи Морозенкѣ мить исчезли.

Ой Морозе, Морозенку, ты славный козаче!
За тобою Морозенкомъ Украина плаче.

(108) Эта могильная сонь-права, раззывающая весною,
принадлежитъ къ роду Анемона (*Anemone pratensis*). —
Анемоны, по Греч. Мие, выросли изъ смеси Киприды, пла-
вавшей надъ прутомъ Адониса. По словамъ Маркевича
(см. *Украинскія Мелодіи* спр. 109) въ Украинѣ сонь-
права приписывается и пророческая сила.

(109) Шукали — искали.

Не шакъ таї Україна якъ пѣ горде вбійсько . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Тобъ, тобъ, Морозихо, по синѣ шужіши;
Ходили въ наїми козаками мѣду, винѣ піти!

„Чого-сь менѣ, мілъ братя, мѣдъ, вино не п'єши:
Ой дѣ-сь то мой Морозенко да вже въ Туркотъ
блѣсти!

Опіть, въ-за горы, изъ-за кручи (111) горде вбійсько
выступає —

По-сам-передъ Морозенко сивимъ кономъ выграває.
Склонінъ-же вонъ головоњку свому коню на гри-
воњку:

— Бѣдна-жъ мой головоњка! се чужай сторо-
ноњка! (*) —

А въ нашого Морозенка червона сирбочка (112):
Дѣ проїде Морозенко — кровавая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ поконаны шанці . . .

Взялі, взялі Морозенка въ недѣленъку вранці.

Посадили Морозенка на шесовомъ спіблѣцѣ:

Знялі, знялі въ Морозенка въ черешбівъ (113) чер-
вонці.

Посадили Морозенка на жоштобомъ пѣбочки:

Знялі, знялі въ Морозенка крапаву сорочку (114).

(110) Мѣсто — кромъ города, знач. еще и рынокъ;
мѣсце — мѣсто. Городъ — огородъ. (111) Круча —
крутизна. (112) Сирбочка — лента узкая и спрочка.

(113) Черешбъ, черешбікъ — черезъ, въ коемъ по-
силі дниги. (114) Т. е. содралі кожу.

(*) Сей купленій каштанъ и въ другой піснѣ.

Въ одномъ изъ пяти вариантоў сей пѣсни Морозенко представлена Уманскимъ козакомъ; пѣсно Турковъ, оно — зъ Алашниками бысталъ, и конецъ пѣсни такой:

Воны-жъ ёго а ни били, ни въ чвѣртій рубали, (115)
Тольки азъ ёго молодого живцемъ сѣрдце взяли.

6.

Въ недѣленку ранесянко, да щѣдо сходь сонца,
Ой плакала Морозенка, сидя у вѣкѣнца.

Морозенка козаченка якъ макъ разпукався,
Морозенка козаченка въ неволю попаўся! —

— Продавайже, матусенько, волы да коробы,
Да выкупляй свога сына въ тяжкую неволю!

Продавай же, матусенько, быкъ да телій,
Да выкупляй свога сына въ сырой темній.

Не лай мене, матусенько, грбными словами,
Схаменеши я обольёшся дробными слёзами...

Да важай, вражка Тамаріо, назадъ руки спута,
Буде на васъ, козаченки, велика помута! (116)!

Ой пойду я въ чисте поле на Саворъ-мотилу;
Ой глину я, подивлюся на свою Вкраину! ..

(115) Т. е. чернвераповали. Чвѣршъ, чвѣрткъ — ченверть. (116) Помута — отрада. Тұга — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. Ходак.) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) Богданка Ружнаго, столь прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ свою Малую Азию, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богдане, Богдане, Запорожской Генъманде!
Да чому-жъ въ чорномъ ходишъ, да въ чорномъ
оксамитѣ? (117)
— Гей, буй-жъ я мёне гостій, да гостій Тамарове:
Однѣ ночи ночували: спару ненъку зарубали, а
миленъку собѣ взяли.

Гей, сѣдлай хлопче коні, коні вороного,
Тамаръ ишыдко доганяни, миленъку одбивали!
Гей, у чиеномъ поль шамъ Тамаре ночувонъ и
вечерю гоняюшъ (118);
Тамаринъ по шабору ходишь, миленъку за ручку
водишь.

Гей, одсунься, миленъка, нехай забыю Тамаренка! —
— „Чи забъешь, чи не забъешь, тольки мене азъ
умъ зведѣшъ!
Чи влѹчишъ, чи не влѹчишъ, тольки мышканъы
(119) разлѹчишъ!

Ой сѣдлай, мілый, коні: тай-жъ не мой, я не твой!
Гей, коли жива буду, то я тебѣ не забуду!“

(117) Оксамитъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Гоняю — гоню. (119) Мышканье — сожание.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ Г. Срезневский по пѣснѣ) есть народное имя Геппмана, столь избѣжного въ Исторіи подъ именемъ *Гана Полковы*. Такія двойные фамилии часто бывали у Малороссіанъ (изъ 8й Думы видно, что Полк. Адамович назывался *Костыремъ*, Атисицкий — *Вологаевъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Господарство, но измѣнившись убрать въ Львовъ 1578, а похороненъ въ Каневѣ товарищемъ и другомъ своего Геппмана *Шахомъ* или *Жахомъ*, который посѣтился 1579 въ монахи Каневского монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжиниця шахомъ* дорога, идущая отъ Канева (какъ по имени Геппмана Конищевича — Сагайдачнаго назывть *Сагайлатныи шахъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежитъ *Гася*, проспаглѣя — якъ устане, нѣба достане?

8:

Охъ и сила, сила, сила силу подолѣла:

Серпягобѣдъ да у Львовъ сподѣлась могила.

Сподѣлась могила... якъ Волохамъ любо!

Притинѣли (120) да Серпягу до сухого дубу.

Ой Волохъ, ой Волохъ! азъ чого жъ ёго авали,

Що козакамъ Запорозьцямъ да израду (121) дали?

Да израду дали Господарю свому —

Ой Геппману Серпятовѣ добрѣ булѣ й дома.

(120) Притинѣти — прикрѣплять. (121) Израда, зрада — измѣна, предательство. Зрада значить и гибель.

Помнишися-жъ лихомъ Господаря св资料 —
Чи вонъ добрый, чи вонъ злоба, ой що вонъ до тогол

Хочъ вонъ добрый, хочъ и злоба, абы не падлобка (122).
Притинишися-жъ да Серпягу до сухого дуба!

Що Серпяга, то Серпяга — брата Жаха має,
Да вонъ братъ, да вонъ Жаха поминъ сподѣнае (123).

ПЕРЕВОДЪ.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягъ во
Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила... какъ Волохамъ любо! Взали
они Серпягу къ сухому дубу...

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его взали (на Господар-
ство), когда казакамъ Запорожцамъ имъ измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Геппману Серпягѣ
хорошо было и у себѣ.

Помнишися-жъ лихомъ своего Господаря... добръ ли
онъ, золь ли, чѣмъ вонъ до тоголо!...

Хотъ онъ добръ, хотъ и золь — только бѣ не подлецъ.
Вижите-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга... у него есть братъ
Жахъ, — и отъ брата, отъ Жаха онъ ждеть себѣ
поминъ.

(122) Падлобка (падло) — подлецъ, собствено же на-
дѣль. (123) Сподѣвѣтисѧ, надѣяться.

9.

Ой азъ гόрода изъ Польши (*) выѣзжали козаки.
Усѣхъ було три таборы , да всѣ при однаки.

У пе́ршому у таборъ усѣ лестровыи ,
У дру́гому у таборъ усѣ хорунжіи ,
У третіому у таборъ усѣ куреніи .

Ой ёхали-жъ вони три дній при ночі въ Поку́півъ ;
Ой на третюда ура́нцѣ (123) прѣба изъ Мердже́бутти .

А въ го́родъ да у Льво́въ зашумѣли ворбы :
Козакъ бурлакъ вбійный лежа́нишь — Серийга то
мे́ршвый .

Ой въ го́родѣ да у Льво́въ задавонили дзвоны :
Козакъ бурлакъ вбійный лежа́нишь , пра́влянишь по
хороны .

А въ го́родѣ у Каневъ , да и заголосили ,
Що Серийгу у могилу тихо положили .

Ой Серийгу положили , да и заховали ;
Да помінъ по Українѣ , помінъ подправили .

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалоуба, 1589.
Песно сюя я отнюду къ нему , и не знаю кому бы она шла
болѣе .

10.

Гей , азъ ѿстній (124) Днѣпръ , да до верхніи
Семсопль рѣтюкъ и чолобрѣй ,
Да усѣ вони да у Днѣпра внали ,
У Днѣпра пра́вный не скаваний ! —
Да покайше , жѣнры низовыи ,
Ой на парусы безодніи (125) !
Ой сидінь козакъ да на дёменѣ (126) ,
И вонъ дёменомъ попертасе ,
И на Чорне Море поглядае :
Ой пливѣ судно , однімъ-одно ,
Въ єму Ту́рчинъ сидіть азъ Туркенею ,
А Туркеня сидіть , вона не гулє ,
Шовковенкій рушничокъ (127) выпинясе .
Ой кому сей рушникъ буде —
Ой чи Ту́рчину , чи Ташарину ,
Ой чи козаковій молодому ?
— Ой се бу́де Ерошому молодому .

(123) Ура́нцѣ , пра́нцѣ — поутру ; рѣнокъ — утро .
(*) Преждня Польша находилась на р. Гомелѣ .

(124) Устнія — успѣх . (125) Безодній — бездонный .
(126) Дёменъ — корза . (127) Рушничокъ — половиця .

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДЕЛЬ II.

Былые писни о временахъ казачества
отъ возстанія противъ уни до смерти Богдана.

ОТРЫВОКЪ,

можетъ быть относящийся къ Венцеславу Хмельницкому,
бывшему недолго до Сирговскаго.

Ой поѣхавъ Венчеславъ на коню гулыми,
А поѣсивъ черезъ плѣчи да сайдакъ * багамый.

Грай море, Чорне Море!
Гала, гиды, гу!

* Лукъ.

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа:
Сама себѣ на смехъ не давала,
Непріятеля подъ ноги стопыла.

Дума VIII.

ЗАМѢЧАНІЕ ІІ.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали въ принесенія, которыя Українѣ стала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ беспорядкамъ своего избирательного правленія. Но когда Польши, во имя Уції, послала на вѣру Козаковъ, тогда заторбълось *религіозно-вонниконое востаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго периода Козачества. — Въ 1592 году Христофоръ Косинскій, вызвавшись бить Гемпманомъ козаками, первый ополчился на Уцію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гемпмана Тарасъ Наливайко, славный и побѣдивший своими, и мученическою смертю въмѣдиомъ бѣкъ (1597). Много потерпѣла обида вслѣдъ за штурмъ Україны; но съ 1606 года, когда Запорожскій Гемпманомъ сталъ Петро Конашевиць-Сагайдатний, запихну на время угнетенія на Українѣ, сколько по силѣ сего замѣчательного человѣка, столько по смущенію для Польши времени, въ кошмарѣ ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турцией. По смерти его (1622) снова послужила Україну бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. Тарасъ Трксилъ въ 1629 году провелъ съ ними подъ Перелесовомъ кровавую ногу, известную подъ именемъ Тарасовой. И съ этой памятной ночи Исторія Україны на 17 лѣтъ обращалась въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). Суліма, Павлюкъ, Остраница, съ своими сподвижниками очредно насѣдовали въ Варшавѣ уасинъ Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. возднялся Гемпманъ Зинобій Жмелницкій, освободивший Україну и отъ народа своего получивший великое имя — Богдана. Послѣ того онъ въ 1654 году поддался Царю Московскому, присягнувъ ему наѣриность въ Перелесокъ 8 Августа, вѣснѣ съ нимъ воевать еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Чин. Башн. Ком. И. М. Р. ч. I. гл. XII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКО.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ Могилевъ на Днѣпрѣ и Слуцкъ на Случи.

Ой у городѣ Могилевѣ дымомъ попягніуло.
Якъ пе войсько Запорбаскє аѣ гарманъ да ревнуло.

Ой у городѣ Могилевѣ да стаѣся пусно,
Якъ поїхали козаки въ самопалдѣ гусено.

Ой у городѣ Могилевѣ орлѣ да гадюки (128) —
Лацькимъ пѣломъ годуються, Лацьку тѣлу ра-
дуюся.

Ой у городѣ Могилевѣ, що пнїй да колбды...
Прилучилося, бать, ліхо Лацькби породѣ.

Не таке ѹицѣ-бѣ ліхо, якъ таї позора,
Що ходитъ по бѣлу скѣпу аѣ дворѣ да до добра.

Не такъ таї позора, якъ козакамъ порада...
Що, Кравчину (129) шануючи, Лихамъ далась зрада.

Далась Лихамъ зрада изъ самого рана,
Одъ Гемпмана Наливайка, шанованого Пана.

ПРЕВОДЪ.

Въ городѣ Могилевѣ пошануло дымомъ, какъ Запорожское войско гранило изъ пушекъ.

(128) Гадюка — змія. (129) Кравчина — Запорожское войско — си. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ сіяло пусто, какъ козаки изъ ру-
жей поѣхали густо.

Въ городѣ Могилевѣ — оры да зѣти; Лищескыя
шѣломы шиняються, Лищескыя шѣломы понижшаются,

Въ городѣ Могилевѣ — дни да колоды... пріключи-
лоси, виши, лихъ Лищеской породѣ!

Не такъ-то еще лихъ, какъ шонть позоръ, что хо-
дить по бѣлу свѣту онь двора во дворъ,

Не такъ еще и позоръ, какъ та онграда козакамъ, чи то
глбемъ, минуя Запорожское войско, поспѣгла Лаховъ,

Поспѣгла Лаховъ гибелъ съ самаго заразы, оць Гешъ-
мана Наливайка, доночтимаго пана!

12.

О смрти Наливайка, который попался въ пленъ Жол-
кевскому при Лубнахъ. Кто такой былъ Игнатъ Гомій,
смоль прославившій та пѣснѧхъ, по Исторіи не видно.

Слѣдна спада та Кравчина якъ на Польшу сіяла,
Вонкулакамъ, Капелікамъ (130) меншочи зраду дала.

Тую зраду, тую зраду, что та мурѣ, чть шемицѣ.
Зъ Наливайка позычала (131) якъ въ бѣдной вдовицѣ,
Вдоминъ сыну, вдоминъ сыну! єще та шебе братыи,
А въ брачоѣтъ ивойхъ козакоѣтъ Багачко за-
райшия (132)! —

(130) Вонкулака — упырь, оборотень. Слово Капелікъ у Козакоѣтъ было самое поносное. (131) Позычали — братъ взайма. (132) Багачко — много; ба-
гачко — множество. За зайтье — отвага, удальство,

Зходилися всѣ козаки, Раду положили,
Да на Радѣ на Полѣкѣ походъ присудили.

Розходилися козаки изъ своєи Рады,
Выбиралі въ-подъ каменъёвъ великий клады.

Клады продавали, самопалы куповали;
Куповали самопалы, въ походъ выступали.

А попрѣду всѣхъ Голый — соколомъ лѣтаe;
На конику вороному жакомъ выгравас (133).

Привершали козаченки по-рану до Случи,
Да въ гарматы густовали Кателікѣвъ авучи.

А Лахій почули, узъ опіцѣль ревнули —
Бо-дай-же (134) имъ тяжко вѣжко, що вони ревнули.

Що вони ревнули, бѣду провѣщали;
А козаки Гайдамаки думали и гадали.

Думали и гадали, думали и гадали;
Тяжко, вѣжко за Гетьманомъ своймъ сумовали.

А въ Варшавѣ да на Радѣ да суды судили;
Да апалиши Наливайка въ волу — присудили.

Присудили Наливайка да Лахія спаліши,
Присудили козаченки Лахамъ вѣдомспіши! —

(133) Носили, какъ спрахъ. (134) Бог-дай или бо-дай —
путь, да будешь (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цетору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другою и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ имѣлъ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представлена Лободинскій чура, напоминающій о подвигахъ своего пана и обѣ олицѣтвіи за него взывающей къ козакамъ, сбирающимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводителѣствомъ Кошеваго *Сулами* (который въ 1635 г. четвертнокъ въ Варшавѣ). Про Генераліско-Попоцкаго и двухкратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ городѣ въ Батурина да вѣны задаючили :
То козаки Гайдамаки у Радѣ радили.

Ой у Радѣ да радили, якъ на Польшу сташи,
Да на Радѣ присудили Вкраїну єднаніи.

Опѣ и вийшли Гайдамаки, хотъ шысичай дѣсній,
Да багацько да за ними зведеся корысній !

А попереду панъ Суліма Оліманъ Кошовий —
Чого жъ жаху завдавали, що вонъ чорнобривий ?

Панъ Суліма, панъ Суліма козаковъ абирайе,
Да й усѣмъ тѣмъ Гайдамакамъ мінъ шань промовляє:
„Товариши Гайдамаки, чиніть мою волю !
Що намъ трéба вѣдипланити Вкраїнську недоблю.
Хотъ настъ, панъ Гайдамаки, и шысичай дѣсній;
Да багацько да за нами зведеся корысній !

„Ой багацько да корысній зведеся за нами,
Коли хочете побитися буочно (135) изъ Ляхами.“

Якъ на пѣсѣ обозваєся Лободовській чура ;
До козаковъ уклоняє , опъ-шакъ промовляє :

— Ой панове Гайдамаки, добре себѣ майте —
Що за мого пана Йвана Ляхамъ вѣдомщайте !

Ой мой пане, пане Йване, дѣсь то ти забгався,
Що на Ляховъ стаєшъ зашерше (136), да й не сно-
дївався !

Ой мой пане, пане Йване, Наливайковъ друже,
Що задаєшъ въ нимъ зраду Ляхамъ, задаєшъ — да й
байдуже (137) ! . . .

Ой мой пане, пане Йване, дѣсь то ти сподѣвся,
Що у турѣ, у темніцѣ Ляхамъ згадобився !

Ой панове Гайдамаки, пана Йвана зломлюйте,
Да за мого пана Йвана Ляхамъ вѣдомстите !

Коли хочете Вкраїну до себѣ єднаніи,
То намъ трéба пана Йвана добромъ поминали.

Якъ Вкраїну тімъ Ляхи до себѣ єднали ;
Тодї наши въ паномъ Йваномъ въ походѣ виснували.

Якъ Вкраїну тімъ Ляхи до себѣ єднали,
Тодї наши въ паномъ Йваномъ Ляховъ воювали.

(135) Буочно — важно. (136) Прежде всіхъ. (137) Байдуже, силькийсь — нужды нить.

Ой и Лиховъ воювали, якъ по Буту спаали;
Да Генштамана Попоцького двочій заганяли.

Ой и Лиховъ воювали, якъ по Прому спаали;
Того булó що й Цоцору добра плиндровали.

Добра булó, добра булó, да спаали зрада.
Що забыто цаца Ивана у недѣлю зрана, . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМѢ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, который предался Полякамъ во времена Наливайко и былъ взятъ Игнатомъ Голымъ. Это видно изъ списка, помѣщенному въ Зап. Старинѣ, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ обѣи *Искат.* Тамъ помѣщены еще девять превосходныхъ пѣснъ о двухъ измѣникахъ *Темерляхъ*, синѣ и оливѣ, предавшихъ Полякамъ подъ Каневою предъ битвою Чигиринскою (1596); Теперенко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Слугасемъ*.

14.

Ой бувъ въ Сечѣ старый козакъ прозваниемъ Чалый;
Выгодованъ сына Саву козакамъ на славу.

Ой не ахопївъ да панъ Сава козакамъ служити;
Вонъ побѣшовъ-же до Лашенъкобъ славы залучити.

Ой вонъ побѣшовъ до Лашенъкобъ службы вѣдправ-
лани,
Мезь Лихами Православну Церковъ руйновали.

Збралися Запорозці, всѣ въ Раду ахожали;
За походы туды-сюды промежъ себѣ раховали.

Уѣвъ прийшли, уѣвъ прийшли, одного немае;
Ой чомъ тебѣ, батьку Чалый, у Радъ немае? —

„Чогб-жъ менѣ, да панове, у Раду ходили?
Що хочете мого Саву нахѣки згубили.

Хочъ спасти собѣ жонъ до Лиховъ . . . да вже-жъ,
сынку мілый,
Чому щы спаля, чому до насъ таїй спасть си-
сивий? “

— Ой сѣйцій, не сїфсій — панъ жажуринъ —
Сава . . .
Да недобра, зурівочна спаала єго слава.

Що не инольки да панъ Сава Церковъ да руйнуете:
Ізъ бѣсами спасть за-право, й барзо захоробе, —
Оббазався на тѣ Голый, жаже: добра знало,
Ой я того пана Саву у руки поймало!

Опъ и спаали да панове Раду разсушали;
Свойхъ коней посьдлали, въ походъ выспунали,

—————
Ой бувъ Сава, да ъвъ сало да все палінійці;
Не кохавъ Сава молодыхъ дѣтіній, да все молодійці.

Не кохавъ Сава да козаковъ, да все Капеліки, —
Загубивъ Сава, пропесалъ Сава свою вѣру нахѣки.

Ой бувъ Сава въ Немирошъ въ Лиховъ на обѣдѣ;
И не знає, не вѣдае о своєн бѣдѣ.

Ой пье Сава и гуліе, Лиховъ вырубае,
А до єго що до Савы гонецъ пріїжае.

— А ю́ ты шути́, малый хлопку! чи все́ га́рэдъ
дома? —

— „Протобицана, пáне, спéжка до вáшого двора.
Да все́ га́рэдъ, да все́ га́рэдъ, усе́ хорошено́ко:
Выглядáюшь Гайдамáки зъ-за горы́ часнено́ко!“

— Опь-то ли́хо, выглядáюшь! якъ ихъ не бо́юся!
Хибáжъ немá въ мéне вóйська? я не забарю́ся.

Съдлай, хлопку, съдлай, малый, коня вороного;
Пойдемо мы до-дому хочá насть немного. —

Зде Сáва зъ Немирова на ворономъ коню...
А прíехавши, гадае да про своё долю.

— Ой ты-же, дёле — кáже Сáва — щербáши дёле! —
Питáется челядоныки: чи все́ га́рэдъ дома? —

„Га́рэдъ, га́рэдъ, пáне Сáво! ище лúчче тъ тобою,
Якъ шебé мы побáчили на ворономъ коню.“ —

Ой съи́ Сáва въ концѣ спола, да листоныки пиши;
А Сáвиха на лéжоньку дипину колыши. —

Сиди́нь Сáва, листы пиши, Сáва думку дбае;
Опь вже Сáва, да пань Сáва, гáдку замышляе:

— Пóдай, дёвко, у пивни́ю уточай горéмки,
Ой нехái-же я напы́осл за вдорóвье жёнки.

Пóдай, дёвко, у пивни́ю да принеси пýва,
Ой нехái-же я напы́осл да за свого сына.

Пóдай, дёвко, у пивни́ю внеси менъ мёду:
Чого-сь менъ прýдно, нудно — голóвки не авéду. —

Сиди́нь Сáва въ концѣ спола, все́ листы читáе;
А Сáвиха молодая все́ дума и гадае.

Сиди́нь Сáва въ концѣ спола, хлопца вызывае,
А Сáвиха молодая плаче да рыдае.

Ой не вспéла челядоныка зъ спéнны́ ключай зи́мы,
Спакъ Йтиáпъ Гóлый зъ Кравчиною ворóна ла-
мáши,

Якъ вóдсúне да пань Сáва вóкóнце одъ рýнику;
А вже шéк, Гайдамáки блукáюшь по сýнку.

Тольки-же шáя челядоныка на порогъ ступае,
Ажъ Микýшка пáну Сáвъ чоломъ отдавае.

— „Здорóвъ, здорóвъ, пáне Сáво, якъ ся собé маешъ?
Добрыхъ госпей собé маешъ: чéмъ ихъ привыпáешъ?“

Ой чи мéдовъ, ой чи пýвомъ, ой чи горéмкою?
Попроща́йся зъ свойтъ сýномъ и зъ своёю жёнкою!“

— „Ой дáвъ-бы вамъ мёду и пýва не хóчете ийти;
Ой вý же менé молодого хóчете агубити. —

Ой чéмъ менé вать, панове, чéмъ вать призыпáти?
Даровáть, менé Госибдъ сына, буду въ кúмы бráти. —

— „Ой не тогó прíшли до тéбе, да шó-бъ кумовáти,
А мы зъ тогó прíшли до тéбе, да шó-бъ розчинáти!“

Ой веди-же насть, пáне Сáво, у нову комóру,
Да отдавай, пáне Сáво, козáцкую збрóю.

А дé-же шпой, пáне Сáво, сúкни, едамáшки,
Що ты наживъ, врágkий сýну, зъ козáцкой лásки? —

Да не шого прійшлі до тёбе , да що-бъ кумовати ;
А мы эз шого прійшлі до тёбе, що-бъ голівку знайти.
Ой бул-бъ тобѣ, пане Саво, гáрдъ не руйновати ,
Коли хопіть Запорозців въ кумы собѣ браши . —
Ой кінешся да наїть Сава до ясного мечá . . .
Его взялі на при спісы изъ праового илечá .
Ой кінешся да наїть Сава да ясної зброя . . .
Его взялі да піднялі на при спісы къ тобѣ .
— „Отец-жъ тобѣ, пане Саво, сукні, едамашки, (138)
Що ти нажіть, вражій сину, эз козацької ласки!“
Ой не вспівъ-же да пань Сава на конника внаслідок :
У кайданы заковали , спаля на іхъ класти .
— Ой, Панове Запорозці, хиба-жъ то вамъ слáва,
Що въ кайданы да забітый лежить у масть Сава?
Якъ-бы ёго вы на вóлю эз кайданівъ пустіли ,
Славу-бъ собѣ найбóльшую отъ-сингъ залучили .
Якъ-бы ёго вы на вóлю мёжъ себé приніли ,
Славу-бъ собѣ найбóльшую отъ-сингъ даровали . —
А Савіха молодая вóжномъ утёкала ,
На молоду челядіоньку сильна поглядала .
— Ханай , ханай , челядіонька , малую дитину :
Будешь жіни , пановати , коли я не зтіну ! —
Не бойтися козаченъко ни грому , ни тучій :
Хорошено въ кобзю трае , до Савіхи йдучи .

(138) Сукні — плащі. Едамашки — Даражская маніерія.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый Чурай, полковой Асауль, захваченный въ битвѣ близъ Старицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вместе съ Гельманомъ Степаномъ Остраницемъ и другими. (*).

15.

Орику , сизый брлику , молодый Чурай !
Ой забыли-жъ тебѣ Лихі да у своємъ краю .
Ой забыли тебѣ Лихі изъ твоимъ Гельманомъ ,
Изъ твоимъ Гельманомъ , що Паномъ Степаномъ .
Орику , сизый брлику ! орловъ брашовъ маєшъ ,
Що старий и молодыи — сámъ ихъ добре знаєшъ . —
Що старый и молодыи — все въ тебѣ вдаєся ,
Водомстіїти да за тёбе усь поклялся .
Що старый и молодыи усь голеними (139) ;
А въ ихъ юний вороний , швидкій и быстрий ;
Ой швидкій и быстрий , якъ орлы ленцяють ,
На Лішській городі , хмарой набагають .
А въ ихъ спісы будацьни въ довгими хоницами
Усь госпіріякъ голочкій , эз довгими клюгами (140) .
А въ ихъ шаблі будацьни , на обидва боки ,
Вражимъ Ляхамъ зраду сиплють по всій вічній рóки .

(*) Песня сія , равно какъ обь Наливайкѣ и Лоботѣ замістованы изъ Зап. Старини .

(139) Голенини — удалыи (быстрыи). (140) Клюга — упорка при осиромъ концѣ копья .

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здесь воспоминается первая Богданова победа (1648 г. 5 Апреля) над Ляхами при помощи Крымцевъ, при Железныхъ Водахъ (въ Екатер., Губ.).

16.

Чи не той то хмѣль, що коло пычинъ вѣтіється?
Гей той то Хмельницький, що зъ Ляхамъ бѣгтися.
Гей поѣхавъ Хмельницький икъ Жовтому Броду,
Гей не одинъ Лахъ лежитъ головою въ воду.

Не пой, Хмельницький, дуже той Жовтимъ воды:
Идѣ Ляховъ сорокъ тысѧчъ хорбони врѣды.

„А я Ляховъ не боїся и гадки не маю,
За собою великую потугу я знаю,

Ище я Орду за собою вѣду:
А все, вражій Лахъ, на вѣшу бѣду.“ —

Упекали Лахъ, погубили шубы...
Гей не одинъ Лахъ лежитъ, вищеривши зубы!

Спаковали Лахъ дубовыми хапы,
Прійдешся Лашенкамъ въ Польшу упекати!

Упекали Ляховъ дѣякіи побої,
Зли Ляховъ собаки и сѣрди побої.

Гей таімъ поле, а на поле цвѣти:
Не по одноть Лаху заплакали дѣти.

Гей таімъ рѣчка, черезъ рѣчку глыца:
Не по одноть Лаху зоспалась вдовиця!

ПѢСНІ О НЕЧАѢ.

Данило Нетай Полковникъ Брацлавский былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошения по Польской Подоліи и убить подъ Красными: по свидѣтельству Паспорія — *Байбузю*, въ одномъ изъ списковъ monkъ посправлено *Каневскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; иже поставило имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Ичадово войско, напавъ на него во время масленицы.

17.

Ой зъ шемного лѣсу, лѣсу, изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: упекай, Нечайо!
„Якъ я маю козакъ Нечай зъ-вѣдсель упекати,
Славу свою козацькую подъ ноги топтати?
Ой є зъ мене Шпакъ, Шпакъ — олъ-шой добрый
хлопецъ! —
Ой, той менѣ дає знати коли упекати!“
— А я тебѣ, мой Нечайо, не убезпечайо:
Держай коня, держай въ сѣдлѣ для свого звичаю!
Ой я тебѣ, мой Нечайо, не убезпечайо:
Держай свою шабелечку да подъ оланчю! —
„Сѣдлай, сѣдлай, малый хлопче, коня вороного,
А побѣжай въ чище поле, чи йдѣ Ляшковъ многого?“
Вершается малый хлопецъ ажъ изъ Полоннаго (*):
— А йдѣ Ляшковъ сорокъ тысѧчъ, тобыки безъ
одногого! —

(*) Полонное местечко при р. Хамарѣ, въ верхъ овъ Липиномъ міре.

Козáкъ Нечáй, козáкъ Нечáй на пé не вновáе,
Да въ кумбóю зъ Хмельни́цькою мéдъ-винó круглáе...
Бо поспáвишъ козáкъ Нечáй три спорóжий въ мéстахъ,
А сáмъ пришóвъ до кúмоньки щúку-рыбу ъсти.
Ой поглáне козáкъ Нечáй за Тихíхъ вóды:
Идé Лихóвъ сброкъ тысячъ хорóшои врóды!
Подиви́лся козáкъ Нечáй у нову кваты́рку:
Хóдитъ Лашкóвъ вráжихъ сýнодъ якъ курéй по
рынку.

Ой якъ кríкне козáкъ Нечáй на хлóпца малого:
„Сéдлай, хлóпче, сéдлай, малый, коня вороного!
Сéдлай менé вороного, собь буланого —
Гéть вýръжемъ вráжихъ Лихóвъ, гéть щодо однóго!“
Ой якъ стíсне козáкъ Нечáй коня острогáми, (141)
За нýмъ Лихóвъ сброкъ тысячъ въ гóльми шаблями,
Ой якъ вóзьме козáкъ Нечáй одъ бáшины до бáшины:
И сиáвъ Лашкóвъ вráжихъ сýнодъ якъ сионики
клáспи.

Повери́уся козáкъ Нечáй вóдъ бráмы до бráмы:
А поспáвишъ вráжихъ Лашкóвъ у чоты́рй лáвы.
Повери́уся козáкъ Нечáй на прáвее плéче:
А вжé въ Лашкóвъ вráжихъ сýнодъ кроvъ рýчиами
ищéче.

Повери́уся козáкъ Нечáй на лéвую рúку:
Не выскочишь Нечáевъ конь изъ Лáцкого трóупу!...
А споткну́уся Нечáевъ конь на малú пыгойну;
Поймáвъ ёго Калиновский зъ коня за чуприну.

(141) Острогá — шпоры.

Чи не тóй-то хмéль, хмéль, що вýсоко вýéпіся?
Чи не тóй-то козáкъ Нечáй, що зъ Лашкáми
бýпіся?

Чи не тóй-то хмéль, хмéль, а щó въ пýнь грáе?
Чи не тóй-то козáкъ Нечáй, що Лашкóвъ рубáе?

Чи не тóй-то хмéль, хмéль, що у пýнь кýсне,
Чи не тóй-то козáкъ Нечáй, що Лашéньковъ пýсне?

Не знаєте, вráжий Лихáй, чéмъ хлóпци убýли:
Сréбнимъ гúцькомъ, сréбнимъ гúцькомъ ручнýцю
набити!

Не за дóвгáй, дóвгáй часъ, за малú годýнку,
Каçáєтса Нечáева голóвка по рынку.

Ой не дбáли вráжий Лихáй на козáцьку врóду,
Рváли шéло по кусóчку, пускали на вóду.

18.

Ой зъ подъ гáю, гáю, зъ подъ Чóрного гáю,
Ой кríкнули козáченъки: утéкай Нечáю!

„Ой не бóйтесь, не бóйтесь, Паны Опамáны;
Я поспáвишь спорожéнку усéми шляхáми.“

— Ой я тебé, мой Нечáю, не убеapéchaю:
Держí свого конíченъка въ своéмъ обычáю! —

„А я козáкъ молодéнъкý Лихóвъ не боéся,
Мáю-жъ бо я козáченъкъ, да я обороноéся!“

Одъ Красного Бróду, одъ Чóрной Вóды
Идé Лашкóвъ сброкъ тысячъ хорóшои врóды.

Ой не вспыль-жé Нечáенько на коника сёсни:
 Оглáнешься назадъ себé, а вже́ Лахý въ мэстъ.
 Ой порвáлся козáкъ Нечай до тугого лúка,
 Обёрнешься назадъ себé — а вже́ пóвно прúпа.
 Стрепенéлся козáкъ Нечай обь полы руками:
 Слоды гляне, туды гляне — тече́ кровъ рéкамы.
 Ударишся козáкъ Нечай обь полы рукою:
 „Ой прýдется разлучиться изъ дельшии и] женою!“
 — Ой дé-жъ твой, Нечáеньку, воронки кони? —
 „У Гéпьмана у Польного спойти на припóнъ.“
 — Ой дé-жъ твой, Нечáеньку, ковáныи вóзы? —
 „Подъ мéстечкомъ Берéстечкомъ запóченіи въ лóзы!“
 — Ой дé-жъ твой, Нечáеньку, сукай, блаватáсы?
 „Гей посыли, порубали Лахý, въ шабельща́сы!“
 — Ой дé-жъ твой, Нечáеньку, дéлоныки да жбона?
 „Ой въ мéстечку Берестéчку сидитъ себé дома.
 Ой котóрый козáченъко буде азъ вáсь у мэстъ —
 Поклони́ся моей жбони, и несчастной невéспицѣ.
 Нехай вонá, нехай берé срёбла - алóна дó-сыни:
 Нехай менé выкупляе и ослаи́ку прóситъ!“
 Не хомыли враждъ Лахý срёбла - злota брати,
 А колыли Нечáенька въ дробный макъ скáши.
 — Гей вы козачéньки, чи не були въ мэстъ?
 Поклони́шесь машусенци и несчастной невéспицї!
 Нехай вонá, нехай плаче, а вже́ не выплаче,
 Ой надъ сýномъ, надъ Нечáёмъ чóрный воронъ криче.
 Ой за малу́ хвильку, за малу́ годинку,
 Ой скáала Нечáёва голóвка по рынку. . . .

О Т Р Ы В К И.

19.

О ПЕРЕБИЙНОСЬ.

Имя *Перебийнос* упоминается въ Истории въ числе сподвижниковъ Скалезуба. Но Перебийносъ, къ которому относится сей отрывокъ птсни, есть храбрый Максимъ *Крибоносъ*, убитый 1648 г. Подъ пыль-же именемъ онъ воспоминается въ другой птсни, которой, къ сожалению, я у себя теперь не имю.

Ой лугáми да берегáми да зелёныи вéты (141):
 Да засъдаючи Лахý, да засъдаючи паны, Перебийносса
 вбить.

А Перебийносъ што́го и не гадае,
 Да мéдь вино попивае.

Ой одеунувъ панъ Перебийносъ поку́льни ква-
 нырку —
 Ажъ гулáючи Лахý, ажъ гулáючи паны, да по ёго
 рýнку. . .

20.

Доколь ходили по Украинѣ козаки зъ рогами,
 Спойли спепы, поли облогами;
 Якъ явилися на Украинѣ паны въ ладовицяхъ:
 Спáли у мужиковъ пироги на полицахъ.

(141') Вéша — винъ.

21.

Да не бу́де лúчче, да не бу́де кра́сче икъ у на́сь на^{*}

Вкраинь:

Да немае Жи́да, да немае Лáха, немае Уніи.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Хóдить слу́ги по покóю, вздыхáютъ до иéба:

Нема пáна Гетьмáна — роа́йтися трéба.

23.

Тумáнь пóле покрывае,
Козáкъ пóлемъ прођажае;

Ой вýхавъ край могíлы
Край могíлы Верховíны.

„Ты, могíло Верховíно,
Чому рáно не горéла?“

— Ой я рáно не горéла,
Бо крóвцю обкинела. —

„Ой якóю?“ — Козáцькою,
Половíну и зъ Лáцькою. —

24.

У Гайсíнъ вýперъ вéе, а въ Умáнъ тихо,
Въ Брайловъ добра немá, а въ Тульчинъ лíхо.

25.

Берéзо, чому шы не зелéна? —

Ой якъ менъ зелéною бúши:

Пóдо мною Ташáры сполли,

Копытами зéмлю грасовали,

Шаблями гóлья позмыали. —

КНИГА ВТОРАЯ.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Былкыя пысни о времéнахъ поэль Богдана

до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вéчной памяти бувáло
У насъ въ Гетьманщинѣ колý-ся.

Котляревскíй.

З а м ъ ч а н і е III.

Изгітии *Виговськаго*, *Брюховецькаго*, *Тетері* производили сильнія смутенія на Українѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-літніє, по истеченія коего (1667, Янв. 13) Задніпровская Україна опошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неуправляемымъ. — Замисли и ожесточенные дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣмъ — было обостреною Україною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе малознаное тридцати-літніє кончилось избраниемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Україны было 22-літніе Гетьманство сего измѣника. Побѣдою Полтавскою Великий Петро рѣшилъ судьбу Россіи и Україны: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кіев. Синопс. 1823): 28й Иванъ Ильинъ *Скарбонадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павель Леонтьевичъ *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывший Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Данило Павловичъ *Апостоль*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичъ *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ Баштуринѣ, бывшемъ его Гетьманской Резиденціей. Первый посолъ иного правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКЪ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноібря 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Яроночѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣя*. Забубеніаго-же *Сагайдакнаго* не должно смышливать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женцій жнўпъ,
А по-подъ горюю,
По-подъ зеленою
Козакъ йдуть.

А попрѣду Дорошенько —
Ведѣ своё войсько,
Ведѣ Запорѣзькое
Хорошенько.

По серединѣ Панъ Хорунжій —
Подъ ніогъ кониченъко,
Подъ ніогъ вороненъкій
Сильне дужкій.

А позаду Сагайдачній,
Що промѣнивъ жнўку
На тюшюнъ да ліольку (142)
Необачній.

(142) Тюшюнъ — табакъ. Ліолька — трубка.

— Гей вернися, Сагайдатний!
Возьмі своє жонку,
Оддай мою ліольку,
Необачний!

„Мені въ жінкою не возиться;
„А шлюпіонъ да ліолька
„Козаку въ дорозь
„Знадобицься!

„Гей! хто въ лесі? озовися!
„Да викрещемъ бгню,
„Да пошагнемъ ліольки —
„Не журися! . . .“

О КОЗАКЪ БАЙДЪ.

27.

Полубаснословна пісня сія (изъ собр. *Ходак.*), кажется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкий — Магометъ IV.

А въ мъснечку славномъ Бересинечку
Ой пье Байды медь да горьлечку;
Ой пье Байды да не день, не двѣ,
Да не однѣ ночки дай не годиночки.
Царь Турецкий къ єму присилѣ,
Байды къ собѣ подмоляе:
— Ой ты, Байды, да славнесенекий!
Будь мені лыщарь да вѣрнесенекий,
Возьмі въ мене Царевиночку,
Будь паномъ на всю Україночку.
„Твоя, Царю, вѣра проклята,
Твоя, Царю, дочка поганая!“

Ой крикнувъ Царь на гайдуки:
— Возьміши Байду добре въ руки,
Возьміши Байду изважише,
На гакъ (142) ребромъ зачепише. —

Ойт висінь Байды да й не день, не двѣ,
Да не однѣ ночки, да й не годиночки.
Ой висінь Байды, да й гадае,
Да на свого хлопця споглядае,
Да на свого хлопця молодого,
И на свого коня вороного.
„Ой ты, хлопче молодесенекий!
Подай мені лучокъ да шутесенекий,
Подай мені лучокъ
И спрѣлочокъ пучокъ:

Ой бачу я три голубочки,
Хоту я убить для єго дочки.
Нехай же я убью Царю
Та на славную вечерю!
Якъ спрѣлить — Царя уцѣліть,
А Царю у попылицю, (143)
А єго дочку въ головочку.
„Отъ-то тобѣ, Царю, да за твою кару:
Булѣ тобѣ занѣти, якъ Байду карати.
Булѣ Байды голову изнѣти,
Его тело поховати,
Воронимъ конемъ щадити,
Хлопця собѣ аголубити.“

(142) Крюкъ. (143) Зашылокъ.

Пісня сія складена віроятно около 1687 р.

Замурілась Україна, що нѣгдѣ ся дѣти:
Вишилтала Орда кінами усѣ малі дѣти.

Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А середній забрала, у полонъ погнала.

Ой служивъ я тому Пану, Пану бусурману;
А теперъ служивши спану Восточному Царю!

Ходить Ляшокъ по рynochку, шабельку виймає:
Коакъ єго не бойтся, шапки не виймає!

Ось Ляшокъ до шабельки, а Коакъ до дрока:
Теперъ тобѣ, вражай сину, зъ душою розлuka.

Ч А Й К А .

Въ літописці Кошевскаго пісня сія приписується *Мазепѣ*; по мінзю Банцьши - Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послідшимъ Запорожцемъ Кошевимъ Апаманомъ.

Ойт бѣдá, бѣдá чайцъ нѣбоаъ (143),
Що вивела дѣшки при бѣтой дорбезъ.

Кигі! Кигі! злепѣши въ гору —
Тольки вишопілься въ Чорному Морю!

(143) Чайкъ бѣдникъ.

Жито поспѣло, приспѣло дѣло;
Йдути женихъ женихъ, дѣлово забирати.
Кигі! Кигі! . . .

Ой дѣни, дѣни! дѣ васъ, подѣни?
Чи менѣ вишопілься, чи зъ горя убілься?
Кигі! Кигі! . . .

И куликъ чайку взять за чубайку!
Чайка кигиче: згінь ты, куликче!
Кигі! Кигі! . . .

А бугай (144) бугу! гне чайку въ дугу:
Не кричі чайко, бо буде тіжко!
Кигі! Кигі! . . .

— Якъ не кричали, якъ не ліпали:
Дѣшки маленький — а я йхъ мали!
Кигі! Кигі! . . .

ПІСНЯ О ГОРДІЕНКѦ.

Пісня о Гордіенкѣ относиться къ той осадѣ Полтавы, на которую вызвался Кошевою *Гордіенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ се въ печеніе $\frac{1}{2}$ мѣсяца, но исполнить не удачно, предваривъ тутъ Полтавскую битву 27 Іюля. — Въ это время разорена била *Стр.*

Запорозці небожата (144)! пшеници не жата:
Ойт пойдите, оглядите, пшеницю зажигайте.
Ойт хочь пойдемъ оглядати — не будемо жали!
Хвалилися Запорозці Полтавы доспали.

(144) Бугай — быкъ, здесь значить быкъ-птица, вуль.
(144) Голубчики.

Ще Полтавы не доспали, а вже Шведъ издáвся ;
На бѣдную головоинку Кошовый зостáвся.

Ой умे́рла въ Кошового спарéнъкай ма́ни ,
Ой и́кому Кошовому порáдоныки да́ши.

Восто́чный Царь на Вкраинъ не доймае вéры —
Посымае Голицьни , щобъ не булó амбны.

„Ой иди-жъ ты , Голицьни , иди-жъ ты горю ,
А я пойду въ Москаліми услéдъ за тобою.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія , какъ видно , сложена около 1710 года ,
вскорь послѣ того , какъ окончились вѣроломные замыслы
Мазепы , и признанія невинности погибшихъ отъ него Ко-
чубея и Искры . Говоряще , чи то къ нимъ относилися посло-
вица : *Знѣшикъ голосу по волѣсьмъ не плачутъ.*

31.

Мазе́по Гели́мане , изради́вый Пáне !
Злее починеши , эзъ Швéдомъ накладаеши
И на Царя Восто́чного руки подбýмаешъ .
Подни́въ есій Орду , изроби́въ прево́гу ! —
А при той намѣти бувъ Кочубей да Искра :
Пошли-жъ вони эзъ-подъ Полтавы (*) да до Царя
анішка.

А Царь вéры не дойи́въ , до Мазепы одосла́въ :
Скорб-жъ ихъ Мазе́па изре́гъ — бáро звеселі́вся ;
А Кочубей изъ Искрою слёзами обли́вся .
Усъ Паны Сенато́ры , усъ бенкéти мáли ;
Кочубéл-жъ изъ Искрою бáро забувáли .

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ допросу .

Тѣльки ихъ не забу́ть , Миргородской Пане (*),
Що Кочубéй изъ Искрою за Вкраину спáли ! —

У Кіевъ на Подоль порубаны грúши ;
Погуби́гъ-же песь Мазе́па невиннага души !

Ой выгорѣаъ весь Балтуризъ , збспáлася хáла (**);
Да вжé-жъ твоé , псе Мазе́по , и душа проклáма .
Бу́зъ у шéбе , псе Мазе́по , одинъ хлóпецъ Нé-
мецъ... (***)

Пошли-жъ твоé , псе Мазе́по , усé добро нí-
вецъ ! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛІНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос .
кресильянъ были посланы для дѣлания лініи между Дніпромъ
и Донцомъ .

32.

У Глúховъ у городъ у всѣ дзвоны дзвоноши ;
Да вже нашихъ козаченькóвъ на лінью гónоши .
У Глúховъ у городъ спрэльниули зъ гармáты ;
Не по одиомъ козаченьку заплакала ма́ти .

(145) Нíвецъ — ни-во-чию . Нíвечи́ти — портить , ни-
чпожинъ . Ницъ — ничего .

(*) Кажисл , Мирг . Полковникъ Алостолъ , послѣ бывшій Генер-
ал-майоръ .

(**) 1708 г. въ Окна́брѣ Князь Меншиковъ осадилъ Балтуризъ ,
великолѣпную резиденцию Мазепы , разорилъ и скегъ его до
основания ; на мѣсто оного было только ческо́лько хатъ , до
1750 г. , когда избранный къ Генераламъ Клеммергеръ Графъ К. Г.
Разумовский захопи́тель перетворилъ Генеральскую резиденцию изъ
Глухова олиць на прежнее мѣсто .

(***) Капитанъ Сердюковъ Жениссенъ .

У Глуховъ у го́родъ спрѣльиуди въ ручинѣ ;
Не по однóмъ козаченьку плакали сестрицы.

У Глуховъ у го́родъ поспѣшины сынки ;
Не по однóмъ козаченьку заплакали дѣтки.

На быстрому на баерѣ — геть плáвала ка́чка (146);
Не по однóмъ козаченьку плакала козачка. —

У Грицьковъ огній горячъ, а въ Польшѣ дымно ;
Цамогиль Гéтманъ сидіть — геть-шамъ ёго відно!

Допевнійся-жъ (147), нацъ Гéтманъ, допевнійся
плáны !

Якъ не бу́дешъ допевніи, бу́демо вишкáти.

Ой идти-же вы, панове, до Пепра до свáпна —
Ой шамъ бу́де шамъ, панове, велика заплата :
По засипуну у рúченъки, да щé и лопáпа! . . .

Сидіть козакъ на могиль, сорочку латáе, (148)
Ой кинувся до черешкá — копыки немáе.

Сидіть пугачъ (149) на юбочу, на вѣтеръ надува ;
Идé козакъ въ Україну, на ліху здобува.

Ишовъ козакъ на лінью да й вельми надува,
Ишовъ козакъ изъ лінїи — якъ ліху зогнува.

(146) Утка. (147) Домогайся. (148) Починяєть, кла-
деть заплаты. (149) Филинъ.

ПѢСНЯ О ПАЛЬ.

Палъ, по козиль Мазенъ (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высоко сонце заходишь, низенько ложйтися,
Ой дёсь по панъ Палъ Семéнъ шенёра журйтися?
Высоко сонце заходишь, низенько заходить ;
Ой дёсь по панъ Палъ Семéнъ по Сибíру бро-
дить !

„Ой чуро, мой чуро, мой вѣриный Стоусю !
Ой ходимо у каплиро (150), Богу помолюся !
Ой Богоў помолюся, Святій поклонюся . . .
Зледащій-же я понурый, старенький здаюся !
Старенький здаюся, моліпнися мушу :
Хай милюе Милостивый мою грѣшину душу !“
Ой напягнувъ єму чура да сѣрую свілпу,
Да давъ єму да у руку єлобую звілу.
Пойшовъ панъ Палъ Семéнъ Богоў моліться,
Не по Богоў моліться, а не то журйтися.
Прійшовъ панъ Палъ до-дому, да й сінь у намётѣ,
На бандуриѣ выгравае : „Лихо жити въ світѣ !
Той, душу заклавши, свілпу бачъ гапигуе ; (151)
А лийт по Сибíру — мовъ въ луаѣ дубуе.“

(150) Часовня. (151) Ганиловати — шить еребромъ.

ПѢСНЯ О СТѢПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Може́нь бы́ть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хіб въ Крымъ не бувáсь,
Той и дíва не видáль;
А мы въ Крымъ бували,
Мы тамъ дíво видали.

Перекопскій коменданть
Запорóзыцамъ даé знáть:
— Ой тóдъ-жъ вамъ, Запорóзыцъ,
Въ Каланиáь пробуасть,

Ой ходéмо на Ялы (?)
Козáченъкóвъ ряповáть.—
Запорóзыцъ якъ пошли:
Впередъ голову найшли;

А въ Жадчénка Степáна
Облúплена головá,
Въ Москóвскаго копилáна
Спина обдрáна.

Лежáнъ наши козáченъки
Якъ бълéньки смычки;
А въ Жадчénка у Степáна
По-за ногами спички.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХъ.

(къ 1758 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссии вербованные,

35.

Ой надъ Бúтомъ надъ рýкóю, на Турéцкóй границѣ,
Тамъ стояли пикинéры, эъ ними компанéйцї.

Зелéном Недéлонъки Ордá наступае:
Гей, панове, уступéмо! запáсу не мае.

— Ой чогó-жъ намъ уступáли, чого боемóся?
Ой хочь Ордá баgáто идé, мы ёй не дамóся! —

Идé Ордá изъ-за Гárда много зъ прaporáми: (153)
Наложéше-жъ, пикинéры, оп-шгúти головáми!

Идé Ордá цаъ-за Бúта, и въ Бúгъ не зиobýтен;
Стáли бéдни пикинéры въ Бутъ-рýку шопýться.

Идúть батькí и матерí да сыновъ пипáють...
— Да вjé, батькí, вашихъ сыновъ орлы докладáюты!

Не ахомéли ваши сыны въ пикинéрахъ служáни,
Сéли собé слободóю надъ Бúтомъ-рýкóю! —

Погорéли степы, поля и зелéни байráки;
Идúть эъ войська у городы голыми козáки.

(153) рапоръ — знамя, опушуда Прaporщика.

ПРИВАЛЕНИЕ.

Кистрина и Гостинь, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хопицъ?

36.

Ой на морѣ, на морѣ синѣнькомъ,
Тамъ плѣвала бѣла лебѣдонька
Изъ малѣнъкими лебѣдѣтами.
Дѣ ся-вѣзвѣ сизопѣрый орѣль,
Спавъ лебѣдку бѣти и забивали,
Спѣла лебѣдка до єго промовліи:
Ой не бѣт менѣ, сизопѣрый брлоньку,
Скажу тебѣ всю щѣрутю (154) прѣдоньку:

„Якъ у тѣмъ мѣсцѣ у Кистрины
Да бѣтся Орда ужѣ при днѣ,
Бѣтся вона три днѣ и при годинѣ,
Розбѣлася вона на три половины.
Течутъ рѣчки, да все кровавыи,
Черезъ тѣ рѣчки мѣстяни мости,
Мости мости, да все головками,
Головками, да все Московенными.“

(154) Щѣртъ — испещрітъ, настигнітъ; также чистый, ревностный, роскошный (дерево, цѣшокъ).

37.

Ой маля вдовѣ сына сокола,
Выгодовала, въ войско отдала.
Ой спарша сесирѣ конѣ сѣдала,
А середуца хустку (155) камаля,
А наймолѣдна вышроважала,
А маши єго выпыновала:
— Сыну мой, коли приѣдешъ до насъ? —
„Тодѣ я, нѣне, приѣду до васъ,
Якъ павине пѣрья на-сподѣ потоне,
А млиновый (156) камень на-вѣрхъ вѣшили!“
Вже-жъ млиновый камень на-вѣрхъ вѣшилиувъ,
Вже я павине пѣрья на-сподѣ потонуло,
А ще моего сына зъ Гостиня не видно!
Вышла на гору: — ой весь полкъ идути,
То моего сына коника недути! —
Пыталася вона всей спаршинѣ:
Чи не бачили сына сокола? —
— „Чи не то твой сынъ, що сѣмъ головъ вбить,
За восьмымъ голову голубку захліть?
Зозуля лѣшаля надъ нимъ куючи,
А коники ржали єго везучи,
Колеса скрипѣли подъ нимъ колючись,
Служенки плакали за нимъ идути!“

(155) Платокъ. (156) Мелничный. Млинъ — мельница.

О Т Р Ы В О К ъ,

Ой бѣдѣ, брлику, камень скуѣ.

А по Днѣпру що по Днѣпру молодый Козакъ ильвѣ,
Молодыи, козакъ Оламанъ Случай.

— Якъ сїкне Татарюга, що хочъ одвѣчай.
Що хочъ одвѣчай, хоть примишты карбуй,
Хочъ алого Татарюгу и хлопцѣ вербуй!

О Слугат — см. писмо 14 (по 2 фолії).

КНИГА ВТОРАЯ.

О Т ДѢЛЪ IV.

Былевыхъ пасни посль Гемманщины.

Задніапровскія,
Запорожскія,
Малороссійскія,
Черноморскія,

ЗАМѢЧАНИЕ IV.

Для надлежащаго уразуміння писемъ сего отъѣза, на-
добно приномнить, что посль 1764 г., когда собственно такъ
называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь
Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — Заднѣпровская
часть Украины оставалась еще не возвращеною къ Россіи,
а *Запорожцы* соединили холосину козацкую волынну,
гнѣздившуюся въ Стчи.

Въ Заднѣпровы въ то время произошли кровавыя ра-
спри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ унѣ-
сненій за Религию и вольности Жидовскихъ, до чрезвычай-
ности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ расприхъ принимали
стальное участіе Запорожцы, какъ при томъ беспокояли Ма-
лороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ беспоряд-
камъ положенъ разрушениемъ Стчи (1775) и присоединеніемъ
Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая
часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ соста-
вилось (1788) храброе войско *Черноморскаго* козаковъ;
искомпрая же часть ихъ тогда переплыла на Дунай, — но
кому не изѣстить похвалный поступокъ Дунайскихъ коза-
ковъ и начальника ихъ, въ дослѣдованію Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отъѣзѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разныя памятники прошедшій, писни; собственно — *Малороссійскія*, *Заднѣпровско-Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — писни козаковъ, быв-
шихъ на Дунайѣ, коихъ хотятъ и не имѣю еще, но утѣренъ,
что они есть; мнѣ изѣстно также, что у Черноморцевъ
есть историческая писни, относящіяся къ новѣйшимъ со-
бытиямъ, но я не имѣль сюда случая дослышать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харькъ, *Железнікъ* и особенно *Гонта* были глав-
ными лицами, а рѣзня въ *Уманьщинѣ* (1770) разнѣль-
пѣшнаго дѣянія кровавой Драмы, происходившей тогда
въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сотникъ *Харько* убиша въ Маѣ 1666 г. — по словамъ
пленіи въ *Морозовцѣ на мостѣ*; а по книгѣ Баниши-Ка-
менского *объ Унїї* — въ Жабоппигѣ, въ конюшнѣ, Харьку от-
рубили голову, по приказанію Реймениарл. — *Уланово* ме-
жду Бердичевомъ и Пильово, въ Волынѣ, губерніи. — Куп-
лены 2 и 3 й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Сотникъ черезъ Уланикъ, горѣлки напівся,
За нѣмъ, за нѣмъ сѣмбонъ молодцовъ: — спой,
башкы! не журіся.

Ѣхавъ Сотникъ черезъ Уланикъ, на выечко похи-
лівся:
Ой чомъ-же ты, Пане-Сотнику, ой чомъ зажурівся?
„Лкъ же менѣ, Паны-молодцѣ ой якъ не журіться;
Коли подбомбою буланый коню и ржѣ й спаковіться!

(*) Писни сія собрали Ходаковскими, вѣхъ 40, и еще сіаду-
ючій оприлюднѣній, относящійся къ 1681 году:

Гей одъ Віслы да до Кієва пробілоши шахі:
Завладѣли исправднію краемъ нащоль Лахі.

Якъ-же менъ, панъ-молодцъ, ой якъ си не журиши;
Ой засѣдае городовій Сопникъ, да хоче мене
вбить! . . .“

Ой заржавъ-же вороній коникъ въ спані на по-
мосинъ;
А джѣ вбіто Харкі Сопника въ Морозовцѣ на мостѣ.
Ой репіти кричокъ чреаъ байрачокъ да и жалоб-
ненько криче;
Спойти Сопничка въ Полковнику да и жалоб-
ненько плаче:
— Ой бог-дай же ты, Полковнику, да наложиши го-
ловбою,
Що пы мене молоденкуто да нарядивъ вдоною!

ПѢСНЯ О ЖЕЛЪЗНЯКѢ.

Кромъ Полковника *Максима Железняка* и Уманскаго Сопника *Гонты*, здесь открываются еще для Исторіи Жаботинскій Сопникъ *Мартынъ Белуга*, Смѣлинскій Сопникъ *Шило*, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не еспыли Тыменко?

39.

Максимъ Козакъ Железнікъ въ славного Запорозья
Процѣнише на Вкрайнѣ якъ въ гордѣ рѣка.

Розпустіре войско козацькое въ славномъ мѣстѣ
Жаботинѣ —
Гей разлилась козацька слава по всей Украинѣ!

Гей, Максиме Полковнику, ты славный воину!
Гей вышусци въ Жаботинна хочъ Ліцьку динину.
Максимъ Козакъ Железнікъ листы одбирае,
Усѣхъ Лахдівъ изъ Жидами до-купы абирае.
Избогатиши усѣхъ Лахдівъ въ Жидами до-купы,
Оддашъ Лаха Губернатора да Бѣлуга въ руки.
Бѣлуга Мартынъ Жаботинскій да по рыноку
ходить,
Свого Пана Губернатора за собою водить.
И водючи за собою да и до ёго каже:
— Не одного теперъ Лаха голова заляже! —
Гей якъ выйшовъ Сопникъ Смѣлинскій въ свойми
Козаками,
Ступай, ступай, Шило Сопнику, въ Богуславъ на
намі!

А вѣхали въ Богуславъ да въ середу вранцѣ,
Накидали въ шой годинѣ Жидовъ польні шанцы,
Даюма Козакъ Уманскій конемъ прѣbamле,
До Уманя Железнікъ въ собою подмовляе:
Гей, Максиме Полковнику, ты батьку козацькій!
Гей не втече на Уманя наѣтишъ (157) и духъ Ліцькій!
Подъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великии кручи;
Гей помѣли Уманьчики Запорозьенъ ждучи.
Гонта Сопникъ Уманскій по-межъ войскою хо-
дилъ,
Изъ Максимомъ Железнікомъ чреаъ листы говориши.
(157) Нѣтъ — даже.

А въ недѣлю рѣно спѣли да у давоній бѣти ;
Гей спавъ Гонта зъ козаками подъ Умань подходиши.
Въ понедѣлокъ перѣдъ обѣдомъ изъ гарманіи загули,
А въ вѣнѣрокъ ище рѣныше Уманя добули . . .
Хвалилися Уманьчики подъ Умань идуши :
Будемъ драпи, паны-молодці, азъ кипайки онучи. —
Гей, якъ вѣйшои Донській козакъ азъ-за Гострополії
могилы ,
Упекали Уманьчики, шпаны погубили.

Максимъ Козакъ, Желѣзнякъ эзъ лагри вѣтжаетъ ,
Перѣдъ Донськими козаками, и стражу не має.
Спушай, спушай, Желѣзняку ! гдѣ вже гуляти :
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печерськое Богу роботанти !
И говорили Максимъ Козакъ, сидючи въ неволѣ:
Не будуть мать враждѣ Ляхъ на Вкраинѣ болї.
Течутъ рѣки эзъ всѣго склону до Чорного Моря :
Минулася на Вкраинѣ Жидовская воля !

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Описывается къ 1770 г.)

40.

Да спойти, спойти, Сопникъ Гонта, въ степу три
недѣлі ;
Наѣхали Смѣланчики, да вонъ ся ймъ завѣришъ.
— Гдѣ, гдѣ, Сопнику Гонта, у степу спойти ;
Ходи эзъ наими Козаками Умань грабовати ! —

„Ой якъ менѣ паны-молодці, Умань грабовати ,
И на свого пана - баптика руки подоймани ?“ —

Ой гуляти Уманьчики не бойтесь нѣтого :
Выѣшали Гайдамаковъ въ Плещгорахъ много !

Да повѣсили Копивича на беленомъ дубѣ ; —
Прѣхала ёго сестра живопѣй люба.

Да измѣнитъ червонецій да въ запольи носить ,
Хорошенько Рейменипаря кланяючись просить :

— Да дозволь, Пане Рейменипарю, червонецій за-
братьи ,
Мого брата Копивича эзъ шибеницій знѧти. —

Дадозволиша Панъ Рейменипаръ, червонецій забрати ;
Не дозволиша Копивича эзъ шибеницій знѧти,

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтовалась Украина , попы и днѣ ;
Погинули на Вкраинѣ Жиды и Поляки.

Прилетѣли на Вкраину изъ Западу гуси ,
Погинули на Вкраинѣ невинные души.

Погинули Депутаты шляхетной вробы ,
Навѣти пая дробна шляхтица, таи хлѣборобы.

О Боже мой нескончennyй! що ся теперъ спаю ;
Якъ то вѣра , шакъ то вѣра , а милосній мало !

О Бóже мой нескончénный! дивíлся горе,
Що тепéра, на сéмъ свéтъ, вéра вéру бóре! . . .
О Бóже мой нескончénный! въ на́сь та́къ не ведéться.
Памята́ши, бунтовни́ки, вáмъ то не минéтся!
Мáли паны на Вирайнъ дóbry оборо́нцى,
Звéрилися Сóпниковъ, Умáнскому Гóрнцу.
Мáли паны на Вирайнъ дúже дóbryи прúнокъ:
Паны тýмъ роаúмныи дадúть себé ратúнокъ.
Паны тóе ароаумéши, агóду учинíли:
Подкýнувшись подъ Умáнь, Гóрнцу изловíли.
Воны-жъ ёго на-самъ-пéредъ бáро привéтали,
Черéзъ сéмъ днéй зъ ёго кóжку по-пóисъ здиráли.
И голову облу́или, сóлью насолíли,
Нóтоль ёму якъ чéспину наиздъ положíли.
Панъ Реймéнтарь похождé: — дивéшеся, люде!
Хлó ся тóльки збунтовáвъ, то всéмъ тóе буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращении иминыхъ своихъ земель въ Новороссийской Губерніи по поводу чего, граматой 1774 г. 22 Мая, и повелію было прислано имъ нарочныхъ Депутатовъ. Посль сего они замыслили своювольно завладѣть землями Запорожскими по Бугу и землею Донскою, прелятствовали поселению Сарбовъ, перемѣнили - было землепашцевъ Малороссийскихъ до 50,000. Силъ въ другіе ихъ непозволительные поступки, изложенные въ Манифесце 1775 3 Авг., заставили Государю разрушить Сéть Запорожскую, повеліемъ 1775 г. 4 Юня, даннымъ Генералъ-Порушку Текелю.

(Къ 1775 г.)

Да вспáнь, Харьку! да вспáнь, бáрьку! гóдъ вже
намъ спáти;
Ой ходáмо до Царýцї милостí прохáти.
Ой Царýце, наша Мáли! змýлуйся надъ на́ми:
Ой дай-же намъ прéжнїи степы зъ тóмными лугáми!
— Не дозвóлю Запорáziamъ степомъ обладáти,
Да прикажу Москалéвъ всю Сéть розорýти! —
Ой хóдитъ нашъ Панъ-Кошбóй, шабéльку списскáе,
Такý-жъ бо вонъ Москалéвъ вéры не ддимáе:
„Ой хто хóче зъ шабелька́ми, а мý зъ кулакáми —
Нехáйтъ пойде на́ша слáва, по-мéжъ козакáми!“

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы, зъ-за Днíману вéтеръ повéвае,
Да вже́къ Москvá Запорóзья кругомъ обстupáе.
Ой облагла, обстupila, да въ городъ вспу́тила,
Московскими анамéнами городъ закрасила.
Пóшла Москvá по курéнамъ запáсу забýрали . . .
Ой набráли срёбла-алóта, да ю стáли гадáти:
Ой якъ бы намъ, мýлý-брáпъл, Запорóзья вáти? —
Вéялý сóпнико Кошбóго и Пýсари Полкóвого:
Щобъ не булъ Запорóзье пóки свéтила сéго! —
Ой покрылось Запорóзье густыми лозами,
Да вмы́лися Москáлами дробными слéзами!

Г А Л К А.

Песня по разрушении Запорожской Сечи: не ее ли должно отнести к Кошевому Кальцашу? (см. Чайка на стр. 108.)

44.

Ой полети, полети, да чёрная гáлко, да на Днѣръ
рыбы ёспи,
Ой принеси, принеси, да чёрная гáлко, одъ Кошо-
вого вѣстя!

— Да вжé-жъ менъ не лёташи на Днѣръ рыбы ёспи,
Да вжé-жъ менъ не носили одъ Кошового вѣстя! —

Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи!
Повдавались днінь въ одного, акъ брашни рѣдныи.
Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи! дѣ-жъ вѣши конь?
— Наші конь въ Пана на пригони, самі-жъ мы
въ неволь! —

Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи! дѣ-жъ вѣши ўзы?
— Наші ўзы въ коней на занудѣ, самі-жъ мы
у нужда! —

Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи! дѣ-жъ вѣши
спісы?
— Наші спісы у Пана у спрѣсь (158), самі-жъ
мы у лѣсь! —

(158) Спрѣха — крыша изъ просушки, или соломы.

Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи! дѣ-жъ вѣши
ручнійцї?

— Наші ручнійцї у Пана въ сѣтилцѣ, самі-жъ
мы въ племнійцѣ! —

Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи! дѣ-жъ вѣши луки?
— Наші луки побрали гайдуки, самі-жъ мы въ
розвукѣ! —

Ой вы Запорозцій, ой вы молодыи! дѣ-жъ вѣши
жупаны?

— Наші жупаны поносили Пана, самі-жъ мы
пропали! —

Ой полети, полети, да чёрная гáлко, да на Днѣръ
рыбы ёспи!

Ой принеси, принеси, да чёрная гáлко, одъ Ко-
шового вѣстя!“

— Да вжé-жъ менъ не лёташи на Днѣръ рыбы ёспи,
Да вжé-жъ менъ не носили одъ Кошового вѣстя! —

П У Г А Ч Ъ.

45.

Ой спасть пугачь на могиль, да ѹ крикнувшъ вонъ: путь!
Чи не дастъ Богъ козаченькамъ хоть теперъ по-
шту! . . .

Що днінь, що ночь — усе ждемо... поживы не маємъ:
Давно була! Хмельніченька уже не загадаємъ!

Ой коли-сь мы воївали, да больше не будемъ!...
Того счаствия твои долі — повѣкъ не забудемъ!
Да вже шаблі заржавѣли, мушкеты — безъ курковъ,
А ще сердце козацьке не бойится Тўрківъ!

Часть I.

9

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находился это место — не знаю.

46.

По долинѣ волы реву́нь : ой чому́-жъ то не конь
ржу́нь —
конь вороны, конь выпряжны !

Ой колісь-то конь, конь... по Крымской дорожѣ;
То-то было счастье, доля у Ланскому ро́зѣ! . . .

А въ Ланскому ро́зѣ яворь похилыся :
Ойт Тамаринъ шайко-важко вѣршию закрутился.
Чи въ тебѣ, Тамарине, горлоныка уть очихъ запѣла?
Чи въ тебѣ, Тамарине, головоныку чара заломила?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Сербине, Сербине! покинь сербованы,
Возьми се́ринь, да иди въ спиень пшениченьку жаши.
— Бодай-же ты, дѣвчиночко, того не дождала,
Да ю́бо-бы мой бѣла ручка пшениченьку жала. —

Сербинъ былъ гайдамакомъ; въ Харьковской Губерніи
осталось обѣ немъ много преданий, и урошице Сербинъ Яръ.
Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня :

Ойт Сербине, Сербиночку,
Свѣтлай мене дѣвчиночку! . . .

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Сербина не любить, чи тобъ не хорѣшій;
Очи синій якъ у жабы, са́мъ на чёрша схожій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ
какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенцевъ въ Новой
Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ,
который столь грозно славился въ Украинѣ хлыть десяти,
начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичъ Соловьевъ (подъ именемъ П. Байского) писалъ прекрасные
пoэмы.

Вотъ опрывокъ, относящийся къ Гаркушу :

А Гаркуша добра душа на шлыхъ поглядае,
Свою любу Горянницю выжидаде.

ЛИМАНЪ.

48.

(Опрывокъ.)

У низъ иду — вода несё;
Зъ низу иду — бѣда женѣ.
Жалкуется Лиманъ Морю,
Що Дикіръ робитъ свою волю;
Свой горла прочищае,
Лимановъ закидаде . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Описано відноситься до часу Очаковської битви (1788).

Збіралися комисары підъ царські палаты,
Пишутъ листы на Вкраїну підъ аршини брати,
Написали на Вкраїну вдовиного сына:
Ой тожъ козакъ уродливый, дохобитъ аршина.
Ой зачую-жъ співача неніка, Ивасюха майки:
„Ой дѣ-жъ тебѣ, мой синюшку, я маю сковани!“
— На що-жъ мене, матусенько, ты маєшъ хованти,
Буду тобѣ изъ столицій червононогий слави! —
„На що-жъ мене, мой синюшку, червононогий пивой?
Що ж'кому поховати голубоньки мене!“
— Поховай-шо, мой нене, тебѣ добрий люди,
Ой якъ мене молодого до люббе не буде. —
Вдовинъ синюкъ вдовиченко коня напомає;
Его неніка спаресенька въ вікно поглядає.
Вдовинъ синюкъ вдовиченко коника сидлє;
Его неніка спаресенька сильненіко ридлє.
Вдовинъ синюкъ вдовиченко на коня сидлє;
Его неніка спаресенька кріжемъ уладлє.
Вдовинъ синюкъ вдовиченко въ дворі виїзжас;
Его неніка спаресенька за спрембіль ханає. . .
Ой въ городѣ въ Очаковѣ вдарили изъ лука:
Да вже-жъ тебѣ, вдовину сину, аъ матерью розлука.
У городѣ въ Очаковѣ вдарили въ гарманы:
Уже-жъ тебѣ, вдовину сину, маки не видали!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генераль - Фельдмаршаль Князь Потемкинъ - Таврический составилъ изъ Запорожцевъ охопное войско, підъ именемъ Черноморскихъ Козаковъ. Они оказали опытную храбрость при взятии Очакова и Березани (1788) підъ предводительствомъ Кошелеваго Чайтги, а спустя літій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ шапуломъ ихъ Гетьмана. — Въ 1792 г. Черноморцы поселили на острівъ Тамань.

50. (*).

Сложеніе пісня на праздникъ 15-го Августа 1792 г., во слуханіе получения грамоты Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судью Головатымъ.

Головатый изъстанецъ какъ поэзіи; онъ сочиниа *Вѣрушу*, говоренку *Потемкинъ Запорозцами на Великій день* (Христоффъ поскресть, радъ міръ увесь. . .); ему же приписываютъ и эту пісню. Онъ, съ отцемъ и дядомъ своимъ, изъстанецъ въ Малороссіи еще підъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой гдѣ намъ журішися, пора перестанитъ:
Дождалися одъ Царіці за службу заплатитъ!
Далá хлебъ-соль и грамоты за збріни служби;
Они-шепръ мы, малій брати! забудемъ всѣ нужды.

(*) Вонь два стиха другої пісні:

Тутъ-то мы будемо жити и рибу ловити,
И црквого да Черкеса по кручамъ тоціни.

Въ Тама́нъ жи́ть, върне служи́ть, граи́цю держа́ти,
Рыбу лови́ть, горя́лку пить, ще и бу́демъ ба́гати.
Да вже трéба женя́тися и хлеба роби́ти;
А хто при́де изъ невѣрныхъ, то якъ чо́рна бити.
Сла́ва Бóгу и Цари́цу, а покой Гени́мáну!
Зады́чили въ сердцахъ на́шихъ вели́кую рану.
Благодаре́мъ мы Цари́цу, моли́мся Бóгу,
Що Вона намъ указа́ла на Тама́нь дорóгу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ШЕСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫТОВЫЯ.

Ой хвори́уно, хвори́уно! послужи́ меятъ ще трёшки:
Служи́ла въ козацкихъ, служи́ла въ бурдацкихъ, послужи́ ть
чумáцкихъ!

Украин. песня.

Песни сего определа выражают различные положения Козацкаго бытия, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ, бурлацкомъ, чумакомъ и гайдамакомъ.*

И. — бурлачествомъ называемыи вообще не только холостое бездомовье, но и оплутка изъ дома на промысле работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянина ходить *бурлаковати*, (на-зароботки). Слово бурлака зачищать еще забыто.

О. — О словѣ Гайдамакъ было сказано въ Примѣчаніи М. спр. 66. — Здѣсь слово гайдамака принимается въ смыслѣ разбойника (разбѣшака), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, испрѣщающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

II. — чумаками называются Малороссійне, ходящие съ долами и возами своими за работою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Доль. Оправляясь чумаковати, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаровары, окунутые въ деготь, и оспаиваются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію некоторыхъ, это делалось сначала для предохраненія себя отъ чума, откуда будто происходитъ и самое название; но крѣпѣніе будетъ производство отъ Ташарского и у насъ вспомину употребительного слова: *тумъ* или *тюмъ* — копыть. Чисто издали было важнейшимъ промысломъ Козаковъ.

Здѣсь кратки припески слѣдующіе два стиха:

А у Мерджъ на лавоньцѣ сидѣть Чумакъ Тарабуль:
Въ ёго лбълька пахулыка, а плюшенье порохунъ.
Въ Помѣ, Губ. сель. село Чумакъ.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрыває,
Маши сына проганяє:
Поди, сынку, гепль одъ мёне —
Нехай тебѣ Турики вѣльмуть!
Мене, нене, Турики знаюны —
Мене коньми надѣланыны!

Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
Туманъ поле покрыває,
Маши сына проганяє:
Поди сынку, гепль одъ мёне —
Нехай тебѣ Орда вѣльме!
Мене, нене, Орда знае —
Срѣбломъ, алѣтомъ надѣлане!

Спѣрша сесирѣ конѣ вѣдѣ,
А подспѣрша зброяю несѣ,
А мѣньшая выпышуе:
Коли, брате, зъ вѣнѣска прийдешъ?

Вѣзымъ, сесиро, пѣскѣ жмѣнио, (159)
Посѣй ёго на камено,
Ходи къ єму збройниками,
Поливай ёго слѣбоиньками;

(159) Жмѣни — горсть.

Коли́, се́стри, пёсокъ зайде —

Тогдѣ брашь твой въ войська прииде!

Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,

Туманъ иле покрывае,

Маши сына призывае:

Вернись, сынку, до-домоньку,

Змѣю тобѣ голбоньку!

Менѣ, нене, змѣють дожчай,

А розчешущь гусий шбрны,

А высушуть буйний хѣтры! . . .

2.

По-надъ моремъ, дуніемъ

Вѣтеръ яворъ хипае, (160)

Маши сына пыпае:

— Ой сыну мой Ивани,

Диній моё кохане! (161)

Чи менѣ тебѣ оженіиць,

А чи въ войсько урадиши? —

Якъ я тебѣ колыхала,

Усю ибченъку не спала;

Якъ я тебѣ зростила,

Сама себѣ звеселила;

Якъ я тебѣ оженю

Всю рбдину звеселию;

Якъ я тебѣ въ войсько ѣдамъ,

Собѣ жалю я ѣдамъ! —

„Не журися, мой маши,

(160) Хипаи — качаль. (161) Коханый — возлюбленный, милый.

Вже сёгдѣ не миновани!

Исправъ менѣ три трубы,

Да усъ три мъдини,

А четвёртую трубу

Исправъ менѣ золоту.

Въ першу трубу я заграю,

Якъ коника осѣдаю;

А въ другою я заграю,

Яхъ на коника сѣдаю;

А въ прѣпою я заграю,

Зъ пивого двора ѣдучи;

А въ четвёрту замрублю

Середъ войська стоючи

И шабельку держучи.

Примѣтка. Въ одномъ спискѣ начало такое:

Ой у поль да дрѣво

Зелене, кудряве,

Подъ пымъ дрѣвомъ

Сидитъ маши въ сыномъ

Вѣтеръ дрѣво хипае и проч...

Въ другомъ конецъ такой:

Якъ зачутла ше маши

Стала плакали, рыдали:

„Ой сыне мой Ивани,

Диній моё кохане!

„Ой коли-бы же я аузули,

Я-бы до тебе полинула! (162)

(162) Полинути — полепить.

3.

Засвистали козаченки въ похдъ зъ-полуночій ;
Заплакала Марусенька свой ясній очі. —

Неплакай, не плакай, Марусенько! не плакай, не журися:
За своєго милéнького Бóгу помоліся! —

Спойсь мeсяць надъ горою да сонця немае ;
Мати сина въ дороженьку слезно проважае.

„Прощай, мильй мой синичку, да не забавляйся! (163)
Черезъ чопырій недѣлоньки до-дому верташся.“

— Ой радъ бы я, матусенько, скорише вернувшись;
Да важе що-сь мой вороненъкій въ воротахъ
забынкулся.

Ой Богъ знае коли вернусь, въ якую годину :
Пріймі-жъ мою Марусеньку, аль рдну дитину.

Пріймі ёй, матусенько — все въ Божій волї!
Бо хто знае: чи жить вернусь, чи ляжу на полѣ?“

„Ой рада я Марусеньку за рдну принеси ;
Да все не такъ вона мене буде шановани.“

— Ой не плакай, не журися, въ шугу не вдавайтесь:
Заграй мой конь вороненъкій, назадъ сидѣвайтесь!

(163) Бавилися — мышались.

4.

Псня сіл я еще п'ятнадцять сочинена Козакомъ Семеномъ Клиновскимъ, жившимъ около 1724 г.

Вхавъ Козакъ за Дунай,
Сказавъ: дѣвчино, прощай!
Ты, конику вороненъкій,
Неси да гуляй!

„Постой, постой, козаче !
Твой дѣвчина плаче ;
Съ кемъ ты мене покидаешь —
Тольки подумай!“

Бѣлыхъ ручокъ не ламай,
Ясныхъ очокъ не зирай ,
Мене тъ войнѣ изъ славою
Къ себѣ дожидай.

„Не хочу я нічого ,
Тольки тебѣ одного ;
Ты будь здорова, мой милѣнъкій —
А все пропадай!“

Свіснувъ Козакъ на конѣ :
Зоспавайся, молодая !
Я пріеду, аль не згіну ,
Черезъ три года . . .

Тебѣ-же, мила, не забуду ,
Поки жива на свѣтѣ буду ;
Коли-жъ умру на войнѣ ,
Поплачь обо мнѣ! . . .

5.

— Шо ты, мільй, думаешьъ-гадаешьъ?
 Мабуть мене покинути маешъ!
 Рано встаешьъ, коий наповашъ,
 Зеленого сынича подкладаешьъ,
 Жовтено-желтого вбеса подсыпаешьъ;
 Въ синечки йдёшъ — синельца пыткаешьъ,
 Въ комору йдёшъ — нагайки шукашъ,
 Дитя плакче, ты не поколышашъ. —
 Все на мене важкимъ духомъ дышашъ,
 Ой у порога ревнула жороба, —
 „Зоспавайся, милая, здорова!“
 Ой ревнуло ще й мале шелепико —
 „Зоспавайся мале дитятко!“
 Мила въ хаты выбѣгала,
 Свого милого за спременъ хапала.
 — Ой вернися, мой милый, вернися,
 Варенои горблки напийся,
 И въ голубий жупанъ приберися,
 И на мене мілу подивися! —
 „Не вернися, мила, не вернися!
 Я въ дорбъ й сырой напилься,
 И на чужу мілу подивлюся,
 До тебе въ недѣлю вернуся,
 Въ зеленый жупанъ приберуся.“
 — Ой не ёдь же, мой милый, низомъ,
 Закидана дороженька хмызомъ. — (164)

„Ой є въ мене юникъ вороненъкій,
 Пере скочинъ твой хмызокъ дробинъкій.
 Ой у поль зовкій да лисицій,
 Ой то-же мои братя да сестрицій.
 Ой у поль чорный воронъ краче,
 То-же мою вонь голову баче.“

6.

Ой поважай стару матеръ, хоть вона й не родна:
 Кохай, кохай дѣлчично-жено-ку, хоть вона и бѣдна.
 — Не для тогор стара маини що-бы поважани:
 Не для тогор бѣдна дѣвка, що-бы єй кохани.
 Ой поважай сестру свою, сиропу-вдовицю:
 Кохай, кохай молодицю, гарну соболицю.
 — Не для тогор сестры, вдовы, що-бы їхъ поважани:
 Не для тогор молодицю, що-бы їхъ кохани.
 Ой поважай отца свого, да поважай брата:
 — Не для тогор вони живутъ, що-бы їхъ поважани.
 Коли прѣба поважани, то мы знаємъ за-що:
 Да й не маму, да й не папа, ни сестру, ни брата.
 Ой у мене є коняка, да й гарний коняка:
 Ой який вонь волоцюга, який розбишака!
 Ой тогор-то я коняку поважани буду,
 За ёго не вайсь-бы срѣбла хочь повиную груду.
 Ой ще на моему бойцю є шабелька гарна,
 Смытай ёё, смытай ёё, чимъ вона не пани?
 Ой панючко наша, панючко шаблюко,
 Зъ бусурманомъ аустрѣвалась (165) да ѹ не двочи
 цѣловалась.
 (165) Встрѣчалась.

7.

Соколо́нку сы́нку, чини мою волю:
Продай коня вороного, вернися до-дому.

— Соколихо ма́ти, коня не продáши,
Мому коню вороному трéба съи́ця дáши.

Соколо́нку сы́нку, рýбъ насть не ловиши,
Нéмого насть ёсти — гóлодомъ сидаши.

— Соколихо ма́ти, пусци погуляши,
Буду гуляши, да гуляши, доленъки шукáши.

Соколо́нку сы́нку! хибá-жъ тспéрь времéя?

— Время, ма́ти, время! орлú рáзъ-шю время.

Ой привезу, ма́мо, тобé при жупáны,
Да всé тыи три жупáны всé срёбломъ пошкáни;
Ой же́жъ тёми оди́нь жупáнъ изъ самóго Жáна:
Ой прощáй-же, мой ма́мо, пойду и до Жáма.

8.

„Ой паниве-молодцй, вóдкаль идетé?
Да эъ икои спорóночки, да щó везетé?“

— Ой, Пáне-Гемы́не! буй въ бусурмáна:
Багáцко въ чорти́ки всéкого надбáне! —

„А щó-жъ вы, паниве, чого шамъ чувáли,
Якого видáли, якого абрáли?“

— Щó, Пáне-Гемы́не! по три смúхи эъ барака,
Четвéрту малéнъку эъ самого бусурмáна. —

9.

Ой у лóэль да калина весь лúгъ изкрасила:
Породила спирá ма́ти жованéронъка сына.

„Породила-жъ менé ма́ти шемнéнькомъ ючй,
Далá менé бýле лíчко и чёрный очй.

Булó-бы менé бýленикого лíчка не давáши,
Булó-бы менé, мой ма́ти, счастье и дóлю дáши!

Породила менé ма́ти въ Святую Недéлю:
Далá менé лихú дóлю — дé-жъ ёё подыну?...

Лихú дóлю ни продáши, а ни промéниши;
Всёды мòди лíхко знаюши, не хóтяль куповáши!

Розвивáйся, сухý дубé! зашира морóзъ бýде,
А вжé тобé, гарный хлóпче, зашира походъ бýде!

— Я морóзу не боёся, зашира розвинúся!
„Я походу не боёся, а́разъ выберúся!“

Пла́че ми́ла, пла́че чёрными очима:

— Вечéронъка на столъ, а смéришь за плечима!

„Кропить дожчикъ дороженъку да щóбъ не курýла:“
Ой порáдьше моей ми́лой да щóбъ не тужила!“

10.

Ой съль козáкъ ёстши, идуть къ ёму ѿстши:
Кíдай, козáкъ, вечéринши, чась на коня състши!
Козáкъ покидáе, на коня съдае,
Мáти ёго роднéнькая эъ жáлю омлывае.

Часть I.

„Не дай, Боже, смртій, въ чужбінъ краю зміриши:
Нема кому жалковати, головки звягати!
Воронъ прилітає, въ вѣчій взгляді,
Біле шило обзыває, косіжки покидаете! . . .”

11.

Ой кряче, кряче чорненській воронъ
Да на глибокой долинѣ;
Ой плаче, плаче молодий козаче
По несчастливой годинѣ.
Ой кряче, кряче да чорненській воронъ,
Да у луазъ надъ водою;
Ой плаче, плаче молодий козаче
На конику на вороному.
— Вороний юно! трай ты подо мною,
Да разбій ты шугу мою!
Розбій, розбій шугу по темному лугу
Козаковій да молодому. —
Ой єде козакъ да дороженькою,
Слезоньками умывается;
— Десъ мой ненька, десъ мой старенька
Да за мною убиваются!
Да въ недѣлоньку рано по-раненську,
Да якъ сонце не входило,
Да звѣжала вся мой родина,
Вона мене выпроводила.
Выпрова жаешъ, мой родинонъко!
Да чи не жаль побѣ бude,
Якъ я поїду на ту Україну,
Да межъ чужіи люди?

Ой згадай мене, мой стара нене,
Съдаочи да обѣданіи:
Десъ мой дитина на чуждій сторонѣ,
Да нѣкому да одвѣданіи!
Ой згадай мене, мой стара нене,
Якъ сядешь у вечерь щети:
Десъ мой дитина на чуждій сторонѣ,
Да немае одѣ нѣн вѣсти.

12.

Стойти яворъ надъ водою, въ воду похилился;
На козака пригбонька (166), козакъ зажурівся.
Не хилися, яворицьку, ще ты зелененський!
Не журися, козаченську, ще ты молоденський!
Не радъ яворъ хилиться — вода корней мые;
Не радъ Козакъ журиться, да серденько ные!
Ой побѣхавъ въ Москвишину козакъ молоденський —
Орехове сѣдлечко и юнь вороненський.
Ой побѣхавъ въ Москвишину да тамъ и загинувъ,
Казавъ собѣ: насипали высоку могилу,
Казавъ собѣ: посадили въ головкахъ калину!
Будуть птички прилѣтати калинонську щети,
Будутъ мене приносити одѣ рѣдоньку вѣсти . . .

(166) Невзгодье, бѣда.

13.

Гóре менъ на чужинѣ,
Що не вкуни братъ мой:
Однъ въ Сѣчъ Опаманомъ,
Другій въ спасу зъ Вацакою,
Третій Дойно Дойніченко . . .
По-нарь Днѣстровъ Дойно ходиши,
Девятеро коней видиши,
На десѧтомъ поѣзжай,
Днѣспрѣ браѣти называе.
„Днѣстре браѣти, побранаймось!
Скажи рѣчи Савранськай (168)
И прикмѣтъ (168) козацькой.“
Въ-гру, Дойно Дойніченко!
Тамъ рѣченка Савранськая
И прикмѣта козацькая . . .

Сидиши козакъ на могилѣ,
Зъ оружини отоны крѣше,
Скалки ложиши, розкладае,
Въ свой раны заглядае:
Пострѣлены — къ сердце прїшли,
Порубаны — кроюю збийши. —
Закладаеся орель зъ конемъ,
А за твои криниченки:

(167) Савранка впадаетъ въ Бугъ. (168) Прикмѣта —
смыленосиши, удалыши?

„Ой чи скорбайшъ ты добѣжайшъ,
Менъ крыльца повиннаешъ!“
— Ой тай скорбайшъ да долетайшъ,
Менъ ноги повиннаешъ. —
Ой конь бѣжайшъ, земля дрожайшъ;
Орель летайшъ, пѣро дзвенайшъ;
Ой конь бѣжайшъ все ярами,
Орель летайшъ все лугами.
Конь до воды прибѣгае,
Орла браѣти выглядѣа:
Орель летайшъ и не смѣе
Коня браѣти не познае;
Даруй, коню, крылѣчками,
А хто ходиши ножечками!

14.

„Вѣдомъ ёдешь?“ — Одѣ Дунайо! —
„А що чувавъ про Михайлу?“
— Эгэ! чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Лихи на три шляхи,
Козаченки на чопырѣ,
А Тамаре поле крѣли.
А въ тобъ войску козацькому
Фхавъ вѣзкъ да и покрытый
Червонкою кишайкою,
Заслугою козацькою.
А въ тобъ вѣзкѣ булѣ тѣло,
Порубане, почорнѣло;
За тѣмъ вѣзкомъ конь лыцарскій;
Ведѣ коня хлонъ козацький,
Держиши сиѣсь въ руцѣ довгѣнкій,
А у другой мечъ яснѣнкій.

Ой щé эз мечá и крóвъ течé !
 По Михаилé маши плачé . . . ,
 Не дúже зóнъ порúбаний :
 Голóвонька на при чásнý ,
 Быле шéло на чопырý !
 Нá-що, маши, спрáву лбáни (169) !
 Тréба досчóкъ добувáти ,
 Хорóмину будовáти !
 Даи при дбáки клéновыги ,
 А чепцéршу соснóвую :
 Безъ дверъ хáма , безъ вóкóнецъ ,
 Но вжé прíйшóвъ ёму кóнецъ !

Въ другихъ вариантахъ находятся следующие стихи :

А въ тоомъ вóзку козáкъ лежитъ . . .
 Поспрéлый, порúбаний ,
 На при чásнý раздáленый ;
 Въ працой руцѣ шáблю держитъ ,
 А въ той шáблї крóши бýжинъ —
 Бýжинъ рéчка кровáван ,
 Надъ рéчкою яворъ стойни ,
 Надъ яворомъ вóронъ крáче ,
 За козакомъ маши плаче ,
 Вонá плаче и рыдае ,
 Свою сýна не познае ,

(169) Лствы головинъ.

Сидíнь вóронъ надъ скалою
 Покину́е головою :
 — Ой я пивого сýна згáю ,
 Тричк на день понась маю ,
 Зó лбá очи выбираю .
 Иди, спарá, до-домотку ,
 Вóзьмí шéскý въ прáву рúчку ,
 Поейт ёго въ горóдочку ,
 Якъ той нéсокъ въ-тóру зайде ,
 Тогдá сýнъ до тéбе прíйде !

15.

Вéнеръ гудé , шравá шуминъ ,
 Козáкъ бéдный убийнъ лежинъ .
 На купинъ головою ,
 На крыль бчи осокóю ,
 Конь вороный у ижинъкахъ ,
 Орéль сýзый въ голóвонъкахъ ;
 Вóнъ козакá доглядае ,
 На кúчерé наступае . . .
 Вóнъ до ёго промовляе :
 „Сýзый брle , побратáймось !
 Якъ мы , брате брle , стáнемъ
 Въ лóбу очи выдирапи ,
 Даи же моей нéныць знáти ,
 Моей нéныць спарéсенъкóй ,
 Машусенъць рóднëсенъкóй .
 Ой знáй , брle , щó козаки ,
 Якъ у тéбе мой маши
 Бýде про мéне пытани !

Скажи: служилъ вонъ у Жана,
Въ пана Жана Ташарина,
У Крымскаго Добрды;
Да выслуживъ королевоньку,
Въ чистотѣ поль могилоньку.

16.

Ой конь бѣжитъ, права шумитъ:
Да вжехъ козакъ убийть лежитъ,
На купинѣ головою,
Прикрытии ноги осокою,
Живое мяло рокитою,
Бѣлѣ руки хустиню,
Ясне лицко кипайкою.

Въ голобонькахъ воронъ крѣче,
А въ ноженькахъ коникъ плаче;
Копытомъ землю выбившъ,
Свого пана вонъ пыши:
— Ой пане-жъ мой, пане,
Пане кипидане!
Ой кому менѣ вручашъ,
Кому коня покидашъ?
Чи Турчину, чи Ташарину? . . .
„Тебѣ, коню, Турчинъ не поймай,
А Ташаринъ не бѣддай.
Ой бѣжі, коню, пѣмными лугами,
Бѣжі, коню, бѣнными шляхами;
Да прибѣжі, коню, до двору,

Та вдарь кошыномъ въ болину!
А выйде до тебѣ иенъка сипаренька,
Козацкая матусенька;
Вона буде тебѣ за подводы брати,
Буде тобѣ сѣда подкладаши,
Вонса буде иобѣ подсыпашаи,
Холодною водицею напоашаи,
И скрѣзь слѣзы про мѣре пыши.
Да не кажи, коню, що я убївся,
А скажи, коню, що я оженився,
Да понять себѣ паничку,
Въ чистотѣ поль землиничку.—
Що куды вѣперъ не вѣ,
Ни сонечко вже не грує. . .
Безъ вѣконець и безъ дверець —
Тамъ спишь козакъ - молодецъ.

17.

Ой у поль сиѣжокъ поброшишъ
Акъ шамъ козакъ забийти лежитъ,
На купинѣ головою,
Накрытии бѣлѣ муравою,
Муравою зеленою,
Червонюю кипайкою.
Въ голобонькахъ воронъ крѣче,
А въ ноженькахъ коникъ плаче:
— Або менѣ, пане, пускай,
Або менѣ заплашу дай! —
„Збрві, коню, шовковый поводъ,
Бѣжі, коню, дорогою,
Зеленою дубровою;

Вынька травы двѣ косары,
Выпій воды два озары,
Подбѣжи, коню, подъ ворона,
А вдарь коню у кошыпа!
А выйде до шебе ненъка спаренька,
Козацкая матусенъка —
Ой знаи, коню, що казацки,
Якъ буде у шебе пышали:
Ой коню мой вороненъкай,
А дѣ твой панъ молоденъкай?
Чи ты ёго въ войску агубиць,
Чи ты ёго подъ себѣ забиць? —
А ни я ёго въ войску агубиць,
А ни я ёго подъ себѣ забиць:
Заслуживъ вонъ паниночку,
Въ чистомъ ноль земляночку! . . .“

18.

(Галицкая)

Чорна роля (170) забрана — гей, гей —
Чорна роля забрана
И кулеми (171) застяна,
Бѣлымъ пѣломъ зволочена, — гей, гей —
И кровю сподобена.

Лежить войкъ на кунинѣ — гей, гей —
Лежить войкъ на кунинѣ,
Накривъ очи кипайко.

(170) Роля — пашня. (171) Кулеми — пух.

Кипайкою червоню — гей, гей —
Накривъ очи кипайко.

А нѣ труны (172), а нѣ ямы — гей, гей —
А нѣ труны, а нѣ ямы,
А нѣ волиця, а нѣ мамы.
А нѣ кому задзвониши — гей, гей —
А нѣ кому запужиши!

Дзвониць коні копытами — гей, гей —
Дзвониць коні копытами,
А воякі оспрогами.
Дзвониць коні копытами — гей, гей —
А воякі оспрогами.

Летиць воронъ аль чужихъ споронъ — гей, гей —
Летиць воронъ аль чужихъ споронъ,
На могиль усьдае,
Ой єму вынивае — гей, гей —
Ой єму вынивае.

Ходиць маини гукаючи — гей, гей —
Ходиць маини гукаючи,
Сына свого пышаючи.
— Ой я ливогъ сына знаю — гей, гей —
Бо я въ ёго попасъ (173) маю!
„Скажи менѣ, воронъ милый — гей, гей —
Скажи менѣ, воронъ милый:
Чи мой сынокъ ище бѣлый,
Чи ще бѣенъки ясненъкай — гей, гей —
Да чи успа румъяненъкай? . . .“

(172) Труна — гробъ (173) Пасмур.

— Вжé ёгó устná синéнькý — гей, гей —
 Вжé ёгó устná синéнькý,
 Егó лíчко вжé чорнéньке,
 Я на лíчку присéдáю — гей, гей —
 Очí ёму вышиваю!...

По-за сáдомъ зеленéнькимъ дорóжка лежáла:
 Молодáя туды панí нéкруть выряжáла,
 Выряжáла на ворономъ конíченъку.
 — Выйди, выйди, сéрдце мое, дычíнонько! —
 Ой не выйшла дычíнонька, выйшла сиара мáни;
 Взлá конí за побо́ды, да я спáла пытáни:
 „Ой сýну-жъ мой, сокóлонъку, дéжъ тебé шукаши?“
 — Шукáй въ спенú, край дорóги, мой рóдна мáни!
 Тамъ я буду, мой мáни, горемъ горевáни —
 Своимъ чубомъ кучерáвымъ спенý ушилáни,
 А своёю кровíцею мбря доповáни,
 А щé своимъ бéльмъ пéломъ орлы годовáни....
 „Бо-дай-же вы, ворóженъки, всъ ра́зомъ пронали,
 Якъ вы шóю бéль анали, менѣ не сказали;
 А шодї вже вы сказали, якъ сýна поймали!
 А поймали мого сýна, да руки завязали,
 Повязали бéль руки, везúши до Прилúки,
 „А азъ Прилúки до Полтавы, до вéчной присéти:
 Присéгъ Царю, присéгъ Богу, одрéкся одъ рóду,
 Прощай, сýну, мой глубе, не думай до дому!“

До вдовиного двора
 Лежáшь дорóжка новá,
 А въ пóмъ дворé столы шесáни,
 По-мéжъ птёми столами
 Сидáшь паны рядами,
 Пишутъ листы пёрами,
 Пишущъ, пишущъ и рядáть
 Кого въ некrúпы oddáшь.

— Де пáть — памъ не бráть;
 Де чотýрь — памъ велáть;
 Де пíр — памъ не пы;
 Де два — памъ нé-льгá.

У вдовины одинъ сýнъ,
 И той пошóвъ подъ аршинъ;
 Подъ аршиномъ не дойшóвъ
 И заплáкаши пошóвъ.

Паны ёго пожалéли
 И купили коника,
 И коника шабельку,
 Попóвъ хлóпецъ до повку.

Идé мáни, рыдаe,
 Всю старшину забýраe.
 „Ой старшина мой мýла,
 Выпускáите мого сýна.“

Оббáвáлся одинéцъ,
 Уродливый молодецъ:

— Не плачь, мами, не рыдай,
Кáрыхъ очей не змирай,
Ой тогда мы заплечешъ,
Якъ на мушпрѣ забачишъ.

А чай-же то ланъ
Позасвѣли пани ?
А то того одинця,
Вродлівого молодця.
А выйдемо на той ланъ,
А вдэръмо въ барабанъ,
Отъ : матьері на жалостъ,
А спаршина на радость.
Пошла мами плачучи,
А спаршина радошн.

21.

Ой крикнули орлы, эль-за моря летючи:
Заплакали бурлаченки изъ неволи сидоччи.

— Давай, Сопський, пошту, конь вороного,
Да повеземъ до пріёму хлопца молодого ! —

Ваяй да й помчали піекими лугами ;
А за ними отець, мами, битими шляхами.

А дѣ на-ночъ спануть, свѣтло задуваютъ,
Що рбного отця й ненъки да не допускають.

„Не плачь, мой мами, не плачь, не журися :
Ще я молоденкій козакъ, выслужуся“

22.

Ой зачула-жъ мой доля,
Що не бутти менъ дома ,
Бутти-жъ менъ у неволи ,
У ненрѹцькому наборѣ ! —
Скоро козакъ догадаися ,
До дѣвчыны заховався :
— Ой дѣвчино, моє сэрдце ,
Зховай мене подъ риденьце ! —
Скоро люди доглядали ,
Кругомъ хапу обстушили ,
Въ дѣвки двери разломили
И козака уловили ;
Быстро иоженьки сковали ,
Былі рученьки звязали ,
Посадили у возбочокъ ,
Сами сѣли въ передбочокъ ,
Да й повеали въ городбочокъ .
Сами коней поганлюшъ ,
Да й на хлопця поглядають —
Щобъ и коней не втомили ,
Щобъ и хлопця не виустити .
На коникахъ пїна пала ,
Недалено вже Полтава .
Пріехали до Полтавы ,
Оддатчики повспавали ,
Быстро иожки разковали ,
Былі ручки развязали ,
Да повелі у свѣтлайцю ,
Посадили на скамниро ,

Чёрній кулрѣ подтоліли
Да ѹ мунайцю начёныли,
По базару поводили,
Мёдомъ - виномъ напойли.
„Лучче-бѣ менѣ волбѣ цасни,
Нѣжъ теперѣ азъ коня внасни!
Лучче-бѣ менѣ ногоніми,
Нѣжъ азъ панами говоріши!
Лучче-бѣ менѣ азъ грабелькими,
Нѣжъ теперѣ азъ шабельками.“

23.

Ой дубъ на берёзу гольемъ похилился,
Сынъ своей матери до ногъ уклонился :
„Ой стара иже, чомъ не женишь мене?“
— На що-жъ тебѣ, сыну, молодымъ женихъ?
Хиба тобѣ, сыну, жъ азъ кѣмъ говоріши?
Куплю тобѣ, сыну, коня вороного,
Коня вороного, говори до ёго. —
„Но подоба, мати, азъ конемъ размовляти :
Ой часъ и година дѣвчаны шукати.
Ой коню-акъ мой, коню, коню вороненкій!
Ой того иши стойши на стаинъ смущенкій?“
— Того я смущенкій, що ты молоденкій,
Що иши рано всташъ, мене напошаешь;
Мене напошаешь, вѣдьмешъ осѣдаешь,
Куды погадаешь, туды и поганяешь,
Нигдѣ того шинку не минашъ,
Мене вороного къ стоянѣ прилишаешь.
Я сырую землю по пойсъ выбью,

Доки тебѣ, Пане, въ того шинку вызву.
Ой дай менѣ сина по самѣ колына,
Дай менѣ воды по самѣ поводы,
Ой дай менѣ мочи по карки очи —
Тогда гулай, Пане, хоча до пинчи!

24.

Ой галочки чорненкіи круту гору зкрыли ;
Молодыи козаченкы жалю наробили.

Ой галочки чорненкіи, подоймайтесь въ гору !
Молодыи козаченкы, вертайтесь до-дому !

— Ой рады мы поднялися — туманъ налагает.
— Ой рады мы верталися — да Панъ не пускает.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Бердичовъ, славномъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцами дѣсять.
А чѣмъ-же ихъ вербовали?
Вломыхъ гротей даровали.

Въ Бердичовъ, славномъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцами дѣсять ;
И конюхи, и писарѣ
Уть уланы приспавали.

Приспани, Юрку, до вербунку,
Будешъ бести азъ масломъ курку,
Будешъ бести, будешь пилки,
Будешь якъ панокъ ходили.

Забудь шапа, забудь маму,
А самъ пристань узъ улбны!
Теперь маешь горевати,
Лучше въ войску пановати.

А въ улбахъ даишь грбшъ,
Будешъ бағашый, хорбшй;
Будешъ ёспи, будешъ пини
И хороше въ чёмъ ходити.

И хороше въ чёмъ ходити —
Довбенками вони бити.
И острогий побльшй,
И чоботы ваксовані.

Кытель бельмий, киверъ чрный,
Хлопецъ гарный и молборный,
И чикчиръ гапповані,
Самы паны прибирани.

А андколь вы? — Могилине.
А чайши? — Ковалёва.
Ой я дѣвка межъ дѣваками,
Черевички съ подковками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гей-же! — Да журба мене скрушила,
Да журба мене асушла, — да гей!
Гей-же! — за чужими волами ходючи,
Да чужки воят мажучи, — да гей!
Да нүше, волы, помалу,
Да вышигайти изъ бру. —
Ой кркнули журавли,
Да ходючи по ролѣ:
Да лучче рбл ранийи,
А нежъ шая познайя;
Що на ранней женщї жнуть,
А на позней скончомъ быуть. —
Ой кркнули молодцى,
Да сидючи изъ корчомцѣ:
Да лучче жника перша,
А нѣкъ шая друга;
Да що эъ першою дѣней масть,
А эъ другою разбогнаны.
Да идешь дѣни служини,
Чдмъ мачусъ години! —
Да одиши ишовъ до попа,
Другій ишовъ до жида,
Третій ишовъ до пана —
Щобъ мачуха пропала!
Ходить башко по валу,
Клыче дѣней до-дому:

Да вдѣти дѣти до-дому,
Не буде замъ розгнуу!
— Живи, пашу, якъ Бѣгъ да-въ,
Коли шы насть розгнавъ!
Мы будемо служиши,
За матерью тужиши!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуліе до-волій,
А я козакъ на чужинѣ да не маю долій.
Выйду за ворога, надѣши сѣмрігу,
Ой хлобжъ мене да пригбре бѣдного иштигу!
Осѣдаю коні да пойду въ поле,
Прошай, прощай матусенько, мой родна иенъко!“
— Ой ты сизый брле, высокъ лѣташъ,
Ой чи чисто моего сына у моихъ видашъ?

„Сынъ твой, мати, въ полѣ, въ полѣ спочивае,
Надъ нимъ сидитъ сизый соколь, въ голубоньку
сыкае.“

Да вдѣрилась мати обѣ полы руками:
— Теперь же я, мой дѣни, прошла изъ вами. —
„Сама себѣ, мати, сама пропинила,
Що насть такіхъ покохала да я не поженила.“
— Сынъ-жъ мой люби, сынъ вы миленький,
Тынъ-же я вѣсь не женила, что вы молоденький!

28.

— Въ недѣлоньку рано разогралось море:
Не одному сыну на чужинѣ горе!
Выйду за ворога, спану якъ сирота.
Нихто мене не займае! я бѣдный сирота! . . .
Да лепіть орель сизый, орель смаокрылый:
„Мого спойшъ-тужинъ, мой сыну едіный!“
— Да порадъ мене, брле! що маю робини:
Да померъ отецъ, мати, вся мой родина. —
„Да и ты не знаешьъ, да и я не знаю,
Покидай сей край, где роду не маешь;
Да иди на Україну, памъ знайдешъ родину,
Тамъ знайдешъ родину, любую девчину.“

29.

Журба мене сушить, журба мене вѣлить,
Журба-жъ мене, мати, скоро изъ ногъ авѣлить!
А я-жъ той журьбѣ да я не поддаоси —
Пойду до шинкарки, горѣлки напьюоси.
Горѣлочка пына, суча журба вирима;
Горѣлочка сұмна, суча журба ұжна.
Чому-сь мене, браше, горѣлка не шеется,
Быля моего сѣденъка якъ гадина вѣется.
Кою сѣрдца, браше, кою сѣрдца моего,
А коли не вѣришъ, нехай биллѣ твоего!
Булы въ мене луги, спали жито жапи;
Бувъ въ мене отецъ и родная мати,
А теперъ никому породоньки дати!

Булы въ мене луги, высокіи вольхи,
Булы въ мене дядьки и рѣдкыи тѣшки,
А теперъ порадонъки не маю ни звѣдѣль!

Да булы въ мене луги, булы и коницій —
А теперъ нѣкому подать и водить.

Не дай Боже смѣрици — на чужинѣ замѣриши:
Ой нѣкому доглянуши памъ мои смѣрици.

30.

Ой не шуми, луже, дубровою дуже,
Не заудавай сѣрдцю жалю, бо я въ чужомъ краю,

Ой я въ чужомъ краю якъ на пожаринѣ,
Нихнѣ мене не пригортне при лихбѣ годинѣ!

Ой роблю я, роблю, робаница ні-зѣ-ющо;
Люди кѣжутъ и говоряни: сиропа ледающо!

Сиропа ледающо, не хоче робити;
Ой опѣдаймо вѣрка сѣна у войсько служити!

Сиропа запоминася, на тѣкъ похильвед —
Люди кѣжутъ и говоряни: ѿнъ мѣбушъ упился!

Ой пойду я, пойду на гору крупую,
Ой спану-жъ я, подивлюся на рѣчку быструю.

Ой рѣченка, быстрѣнка! на ёи дивлюся,
Такї мене думки заносяшь: пойду утоплюся!...

— Не топися, козаченка! мѣрне душу згубишъ:
Треба въ нѣю въ сѣнѣ жити, хоть ёй не любишъ!...

31.

Ой не шуми, луже, иши зеленый гаю,
Не заудавай сѣрдцю жалю, бо я въ чужомъ краю!
Бо я въ чужомъ краю мѣрне пропадаю,
Ой шаймъ-же я пропадаю, що рѣду не маю. . .

Хоть у мене и є рѣдъ — далѣко одѣ мене;
Ой я чую черезъ люди, цуряються мене.

Нехай вони цуряються, да якъ сами занятоши,
Прииде шая годинонъка, що я мене агадаюшъ!

32.

Зъ поля вѣтеръ вѣе,
За Лиманомъ запивае,
Туга-печаль налягае. —
Ой я съ шуты, да въ начали
Пойду въ корчму погулайо.
Шинкарочка молодая,
Вона-же мене давно знає,
Горѣлочки повѣрайо. —
Шинкарочка молодая!

Усыпъ мѣду и горѣлки,
Теперь въ мене нема жонки.
Въ кого жонка, въ кого дѣти,
Тому въ Польщѣ добрѣ жити.
А я жоночки не маю,

Я въ Одесѣ пробувайо. —

А я въ Одесѣ добрѣ жити,
Мѣшкомъ хлѣба не носити,
На панычину не ходити,
Подушного не платити,
Ни за плугомъ, ни за раломъ,
Называюши мене паномъ.

33.

Ой лужечки да бережечки да водá поняла ;
Да вожéжъ мою да головоньку журбá обнialá.

Охъ и я журбú, охъ и я поскú да на листу синиú ;
Охъ и я журбú, охъ и я поскú на Дунай пущу.

Да плыvý, журбó, да плыvý, поскá, да по ве́мъ
берегамъ ;

Охъ и роздай, Боже, мою начáленьку по ве́мъ
ворогамъ.

Да зелéный дубъ, да зелéный дубъ, да безъ сón-
ца я авзъявъ,

Молодéнькому да козáченъку Богъ дойл не дай.

Да не дай дойл, да не дай счасти, да не дай
талана,

Да куды я пойду, куды повернуся — то все чужина.

34.

Ой въ полѣ могила эъ вѣромъ говорила :
Повѣй, вѣпре, мы на мёне, щобъ я не чорнѣла,
Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,
Щобъ на менѣ праша росла, да щѣ я зеленѣла !

И вѣтеръ не вѣе, и сонце не грѣе,
Тольки мы спешу при дорозѣ праша зеленѣ !

Ой у спешу рѣчка, череатъ рѣчку кладка :
Не покидай, козáченъку, родненъкого бáшъка !

Якъ бáшъка покинешь, самъ маrие загинешь,
Рѣченъкого быстренъко за Дунай запланишь.

— Ео-дай таia рѣчка рыбы не плодила :
Вона мого товариша на-вѣки влонила !
Ео-дай таia рѣчка кошуромъ заросла :
Вона мого товариша за Дунай занесла !

35.

Лепіль въ соколенько, да я сѣть на дубоньку,
Схилиль-склониль головоньку упізъ до-долоньку.
Клыче маши сына зъ корчмы до-домоньку :
Иди, сину, до-домоньку, пропѣшъ худобоньку.
„Маши-жъ мой, маши, и самъ-же я бачу,
Що я свою худобоньку усё маrне прачу.
Ой не пойду, маши, до-домоньку спаши :
Е на сѣрдѣ скорбішонька, далеченько знами.
Знами маши, знами; щѣ знапитѣше буде,
Що утобра изъ-вечора осудили люде.

Не таikъ спарї люди, якъ малымъ дѣни :
Доведѣться одъ вороговъ въ кайданахъ сидѣни !
Хочъ буду сидѣни, да знамиму за-що :
Нехай эъ мёне не смѣши вѣнное ледащо !

36.

Ой самъ же я да не знаю, що робити-спаши :
Заприжу чотирій волы да пойду ораши !
Волы мой половини, чому не ореши ?
Лѣша мой молодыи, чому маrие йдёши ?
„Якъ бы вѣ насть поганали, такъ бы мы я орали !
„Якъ бы вѣ насть шановали, такъ бы насть слухали.“

Запряжу чошырй конь, конь вороний,
Да пойду доганяши лыса молодый.

Ой догнавъ же лыса свой въ калиновомъ мѣстѣ:
Вернѣшеся, лыса мой, хоть до мене въ гости!

Лыса-жъ мой, лыса мой, лыса молоденький!
Коли доля несчастлива — будьши короненый!

37.

Лешивъ голубъ да все роскошно;
Лыса мой молодый ишлі роз почно.

Лепивъ голубъ да и упавъ на садъ:
Лыса мой молодый, вернѣшеся изъ сада!

38.

Летиши орёлъ по-наль мбремъ по высокой высо-
костин:

Плаче козакъ старосеный да по своей молодости.
— Лыса-жъ мой молодый, дѣ ся вы подѣли:
Чи вы въ лугѣ, чи въ байраки тени одь мене по-
ленили?

Лыса-жъ мой молодый, дѣ ся вы подѣли? . . .
Завилися въ кленоўый лѣсѣ, да иль лѣсь поленили?
Козакъ здобыченка мѣрие пропадае:
Тыждень козакъ заробле, за одинъ дѣнь пропадае.“

39.

Да ишоши козакъ въ Дону, да въ Дону до-дому,
Да и сѣсть надъ водою, проклинае дѣлю:
— Дѣле-жъ мой, дѣле, чомъ ты не шакалъ,
Ой чомъ не шакалъ, якъ доля чужая?

Що люди не робляшь, да въ жупанахъ ходашь,
А я роблю, дѣлю — зи свѣты не маю;
Що люди гулѧшь и рѣкоши маюшь,
А я роблю, дѣлю — ничего не маю! —
Обѣзвѣся доля по тѣмъ бѣць моря:
„Козаче-бурлаче! дурный разумъ маешь,
Що ты свою дѣло мѣрие проклинаешь:
Ой невинна доля, винна твой боли —
Що ты заробмѣшь, то все проигрываешь,
Що въ дѣнь загорюешь, за ночь прогайнѣшь,
А що запаланишь (174), то музыки наймешь:
Ой грайти, музыки, изъ двора до двора,
Да щобъ не журилась стара иѣнка дома!...
— Якъ музыки грали, то якъ насы люди знали,
А якъ перестали, то якъ лягни спали! —

40.

Ой не спаў я нѣчку щемненскую,
Да не буду спаини ще и другую,
Да чому-сь менѣ нѣдно
И на сѣрдечку прудно,
Молодый козакъ, самъ не знаю!

Да вѣюшь вѣши все буйны,
Да идуши дожмѣ все дробны,
Землю разрушашопь,
И трапою успилашопь,
Краснымъ цвѣтомъ искрашаюшь.

(174) Запаланити или закаланити — пріобрѣсінъ, важиши.

Да тепérь рéчкý не глыбóкін
И на перевóзъ не ширóкін;
А лугáи изъ лугáми,
Берегí въ берегáми,
Де прохóдяшь въ кораблями.

А тепérь не прохóдяши,
И бурлакъ не провóдяши
За врágими ворогáми! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

Наехали козаки до Марусей въ гостій:
„Марусенько-пáні! чи є твой панъ дóма?
Коли-жъ немá пáна, выйди до нась сáма!“
Марусенька не познала, въ черевíчкахъ выйшла:
— Естé вы козаки, естé гайдамáки! —
„Марусенько-пáні! по чомъ ты познала?
По чомъ ты познала, прáвдоньку сказала?“
— По томъ я познала, прáвдоньку сказала,
Цо я свого пáна кóника познала. —
„Марусенько-пáні! не прáвдоньку-жъ нáжешъ:
Мы того кóника въ перво пáна купили,
Въ зелёной дубровѣ грóшъ полѣтили,
Въ холодной крынинѣ мокорицъ заплыли,
Подъ гнилú колоду пáна подкопили.

(Галицкая).

„А щó у той Чорногóръ за ворóнїй кóнї!
Ходи́мъ, бráше, изъ гайдамáки, чу́емо червóнїй.
Ой и чу́емо червóнїй въ пáна молодóго...
Ой якъ бы ихъ да ужíши въ дворá головного?“
— Ой я знаю, пáне-брáте, якъ то ихъ ужíши:
Молодóго тогó пáна до стъни прибýши!
Ой прибýши рúки, ноги, ще межí плечима,
Да щóбъ на нась вонь дивíлся чёрными очима!

Нá-що-жъ тобé, пáне-брáте, торбíну шаскáти?
Лéши тобé, пáне-брáте, людéй разбивáти.
Чи знаешь ты, пáне-брáте, что бúдемъ дýши:
Выръжемо врágихъ сыновъ, бúдемъ пановáти!
Чи бáчишь ты, пáне-брáте, за лéсомъ могила:
Чи ты умрёшъ, чи повиснешь — разъ мáли родил!..

ЧУМАЦКІЯ.

Ой по горамъ снїгí лежáть,
По долинамъ воды стоять,
А по шахамъ макí цыптуль:
То не макí, а чумакí —
Зъ Крыму идуль, рыбу везуль.

Мáти сýна вынавáла,
Да не ванáла — выкликала:
— Идý, сýнку, до-дóмоныку,
Змýю тобъ голóвоньку! —
„Измýй, мáти, самá собé,
Абó моей рóдной сеспрé:
Менé змýопль — дробный дожчíй,
А розéшунль — гúсий шéрны,
А бросушишль — лисéе сóлице,
А розкýдрюшль — бýйни вýпры! . . .“

45.

Чумáченъки ковáченъки кáшу варíли,
А самý съдали, пëсню сиыáли:
„Хóдинь пúга по лугú,
Гнéтесь тóрь-вóль у дугú.
Хóдинь пúга по гáю,
Кличе дёвку Гáлю.
Хóдинь пúга по балкáхъ,
Плáте пúга по Козакáхъ.
Хóдинь пúга по дубровъ,
И́то немáе дóлй, дóлй!“

46.

Зацвéла калина у лóя да попустíла квéты,
Не одýнь чумáнь жíда жónку и дробнéнъки дýмы.
Дóбре булó да чумаковáти пóки всéоды булó рóвио,
А то же черéз тóи билéны да и ходíти не вóльно.
Гей изъ степу глыбóка жрынýци, тóльки водá близýтесь;
Гей пойнибóы-бы я до жónки, дýпей — не маю
чымъ розплатýтесь.

47.

Ой ходíть чумáкъ сéмъ рóкъ по Дону,
Да не булó пригóдоньки никóли ёму.
Ой ишóвъ чумáкъ въ Крыму до-дóму,
Сиáлась ёму пригóдонька за всю дорóгу,
Сиáлась ёму пригóдонька не въ дénь, а въ ночí,
Закедúжавъ чумáченъко въ Крыму идучí,
При ширбóй дорóженыцъ волы пасучí.

Ой пойшóвъ чумáкъ въ Самárь на базáръ,
Чернóною хусéйною голóвку авизáть.

Ой упáвъ чумáкъ, упáвъ да и лежáшь,
Нихипó ёго не спитáе щó въ ёго болíнь.

Ой и болíнь въ ёго сéрдце и головá,
Помирáе чумáченъко, а рóду немá.

Прайшóвъ до ёго опáманъ ёго,
Берé ёго за рúченъку, жалúе ёго.

„Опáмане мóй, жáлуешь менé:
Скидай жупáнь въ менé да укрый менé.

Берí мой волы-возы — похóвай менé,
Берí моё срёбло-алóто — поминай менé.“

Изкýгувъ чумáкъ свíту и кожúхъ,
Припадáе къ сирóй землé, тéплый авóде дóхъ;
Изкýнувъ чумáкъ изъ сéбе кашáнь:
„Волы мой половыи, хлó-жъ бúде вamъ пáнь?“

Да вдарили аз-разу у великой дзвінь,
Сé-жъ по тому чумаченьку що ходівъ на дбнъ.
Да вдарили зразу въ дзвоні уво всѣ :
Сé-жъ по тому чумаковій, що ходівъ по соль.
Ой ишли волы да въ востмерику ,
Задавонили въ усѣ дзвоні по иомъ чумаку .
Ревиули волы у копоть ярмѣ ;
Поховали чумаченька въ чужої споронѣ .
Ревиули волы степомъ идучи ;
Поховали чумаченька, зъ Крыму везучи.

48.

Ой злєпівъ пугачъ на ялоньку, да якъ пугу да пугу!
Гей, допягайше славній чумаченікъ да до шемного
лугу!

Ой радибъ мы поспішали, да чумакъ занедужавъ.
Ой занедужавъ да чумакъ Микита да на возъ
похилівся,

Да правою рученькою за сéрдце ухопівся,
Кáренкими оченками на волинівъ подійвся.
„Ой волы мой, да полови! хто вамъ Паномъ буде?
Ой якъ мене чумака Микиты на скінь не буде?“
— Ой той надъ нами буде пановати, хто наесь бу-
де поганіти! —

Ой вы чумаченки, ой вы бурлаченки! ой вы
люди на все гожи!

Ой изробите чумакови Микиты домовину въ рогожи.
Та вырыйтіе надъ чумакомъ Микитою да высобо-
ку могилу;
Та посадите надъ чумакомъ Микитою, да чер-
вону каміну.

49.

Ой чумаче, чумаче!
Въ тебѣ личко козаче.
Чомъ не рано зъ Крыму йдешъ,
Не всѣхъ чумаковъ ведешъ?
— Ой и рано зъ Крыму йду ,
Всѣхъ чумаченіковъ веду ,
Только жъ нема одного —
Мого братца родного! (а)
Шукавъ, шукавъ, не найдовъ,
Запрѣгъ волы да й пашовъ.
Эхавъ, эхавъ — могила ,
Край могилы — долина ,
Тамъ чумакі стояли ,
Тамъ же и ми приспали .
Опамане, батьку нашъ!
Порадъ же мы теперъ нась :
Що будемо робити ,
Чимъ волиновъ кормити ?
— А ще, хлопці, не бѣда!
Есть у поль лобода :
Косить, хлопці, лободу —
Забувайше сю бѣду !
Косить, хлопці, ишеницио —
Въ чистомъ поль меншицио.
Косить, хлопці, всѣ споришъ —
Кормить воловъ на барышъ.
Косить, хлопці отапу —
Пасище воловъ на славу.

Косынь, хлопці, ще ячмень —
Поїдемо въ Кримъ по соль!
Косынь, хлопці, и овесь —
Поїдемо у Одесъ!
Косынь, хлопці, очерепъ —
Наваримо вечеринь,
Укінемо чабака,
Да помнімъ чумака! . . .

(а) Въсисто сихъ спіховъ поють ще такъ:

Только одного нема —
Вдовиного Ивана:
Складась ему причина,
Головоньку пробила —
Поламались перези,
Соль важдуши ни вази.

50.

Да идѣ чумакъ да дорбогою,
Медъ-шноб кружакъ;
Да оглянется да чумакъ назадъ,
Ажъ волбъ не має.
— Да бѣжій, хлопку, да бѣжій, малій,
Давай панамъ знамъ;
Да нехай паны, да нехай воини
Шлють волбъ шукани! —
Ой у Кіевъ да на рynочку
У всѣ даюни даюни...

Да оглянется да чумакъ назадъ,
Ажъ воликовъ тонань.

Да оглянется да чумакъ назадъ,
Ажъ воликовъ женути;
А за волами да за возами
Бусурмёна ведуть.

Да ведуть, ведуть да бусурмёна
На крупу могилу:
— Да дивись, дивись, да бусурмёне,
На свою крайну. —

„Да теперъ менъ, да мілі братия,
Крайна не міла:
Що розсердився мой отець й маини,
Ще й вѣрна дружина!“

51.

У поль криниченька, холодна водиченька;
Тамъ чумакъ волбъ наповѣ:
Воли ревуть, води не пьють, дороженьку
Чують.
„Бо-дай же вать, сѣрѣ воли, да до Криму не
зходили!
Якъ вы мене молодого наїкъ засмутили...“
Померъ, померъ чумаченько въ неділеньку
враць;
Поховані чумаченька въ зеленомъ байраць.

Насыпали чумаченьку высоку могилу;
Посадили на могиль червону калину.

Прилепила зозуленька, да й сказала: ку-ку!
Подай, сину, подай, брле, хоть правую руку!

„Ой радъ-бы я, мой мамки, обѣ-двѣ подаши;
Да наляглѣ сырѣ землѣ, не можно поднѣши!“
